
VOSK A
Я
тебе
18+

VOSK A
Я тебе не все прощу

https://litres.ru/74703152
SelfPub; 2026

Аннотация

Он говорит правильные вещи. Просто у него заранее есть ответы на все её слова.

«Скажи мне что-нибудь» — и он отвечает. Что ищет серьёзные отношения, что хочет крепкую семью, что ей не надо ни о чём думать. Он заказывает за неё в кафе, помнит, чего она не ест, знает, что она скажет, раньше, чем она скажет. С ним спокойно. Спокойно — это когда за тебя уже всё решили, а ты ещё не заметила.

Она учительница математики, и она умеет считать. Сколько раз он переспросил, а сколько раз переспросила она. Сколько её «мне неудобно» превратилось в «ты устала». Сколько вещей само собой переехало в самую маленькую комнату в доме — в ту, где есть окно. На мир.

Считать надо было не его слова, а моменты, когда ей хотелось сказать «нет», а она сказала «да».

«Я тебе не всё прощу» — роман о том, что заботу от присвоения отличает не тон, а вопрос: спросил ли он.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 112

VOSK A
Я тебе не все прощу

Глава 1

Двадцать третье сентября, вторник. Четвёртый урок, шестой «Б»

Алиса стояла у доски и ждала, пока Петров допишет в тетради. Дважды объяснила, как решается уравнение с двумя неизвестными, и ещё раз объяснит, если надо. Только бы в третий раз за неделю не сорваться. Фразу напоследок она произнесла почти шёпотом и услышала свой голос — севший, чужой, будто из соседнего кабинета.

Петров писал не торопясь, задерживая не только её, но и весь класс. Что-то он там выводил, стирал, выводил снова, и от вида его ластика, истёртого до бумаги, у Алисы заныло под ложечкой. Она знала этот приступ. Ещё минута — и она сорвётся не на Петрове, а на ком попало; на каком-нибудь третьем ряду, который ни в чём не виноват, и потом будет весь день смотреть на себя со стороны и не находить оправданий.

За окном лил дождь, мелкий, противный с самого утра. Тверь в такую погоду выглядела серой, невзрачной. На подоконнике лежали чьи-то забытые перчатки, промокшие на-

сквозь, и было видно, что они провели там не один день: к пальцам прилипли бумажки, к манжете — что-то липкое. В углу стоял зонтик, под которым уже высыхала лужа. Кто-то приходил в класс раньше, чем начинался первый урок, и уходил, не дождавшись; кто-то забывал зонт даже в дождь — и это было в порядке вещей в учреждении, где всё общее.

— Инна Васильевна сказала, вы у нас теперь вместо неё, — сказал Петров, не поднимая головы. — Она вообще вернётся?

— Вернётся.

— А когда?

— Петров, ты в тетради или у меня в голове? Пиши давай!

Класс засмеялся. Петров вывел ответ и поднял руку. Алиса подошла, посмотрела, кивнула, поставила точку красной ручкой. Точка была не нужна, но у Петрова от неё почему-то появлялось чувство, что он молодец. Она знала это чувство. Ей тоже когда-то кто-то ставил точку в конце, чтобы она почувствовала, что молодец.

Звонок прозвенел коротко, звонко. Дети собирались с урока с поразительной скоростью, будто не их учили, что звонок с урока — для учителя.

Она шла по коридору с журналом под рукой. Мимо неслись школьники, пахло мокрыми куртками и столовской кашей. У кабинета химии стояла Галина Петровна и с кем-то разговаривала вполголоса. Алиса поздоровалась на ходу. Та ответила и проводила взглядом — чуть дольше, чем нужно.

Не как провожают взглядом коллегу, с которым шесть минут назад на перемене обсуждали расписание.

В учительской было тепло и людно. Алиса налила себе чай в свою кружку, села и открыла журнал. Проверить надо было три стопки, ещё вчерашние, и ещё седьмой класс писал самостоятельную.

— Ты бы домой шла, — сказала Лариса, учительница русского, не отрываясь от телефона. — Дождь до ночи.

— Сейчас, только проверю.

— Ты каждый день «сейчас». Тебе не за тетради платят. Тебе за то, чтобы ты в школе была. Вот и иди домой.

Алиса улыбнулась. Лариса была единственная, с кем она в школе разговаривала не только про работу. У Ларисы старший сын учился в институте, и она всех вокруг считала детьми, которых надо накормить и которым надо напомнить, что пора домой. В прошлый вторник она принесла Алисе суп в жёстком пластиковом контейнере и сказала, что от бутербродов будет гастрит. Алиса его съела, а домой пошла в восемь, потому что «только проверю» в её жизни длилось часами.

Галина Петровна так и стояла у кабинета химии. Когда Алиса вышла с журналом в коридор, разговор стих. Она даже придумала, о чём говорили — наверное, из-за замены: Инна Васильевна на больничном, а уроки ведёт непонятно кто. Алиса решила, что показалось, и пошла дальше. Решать это было легче, чем стоять и слушать тишину.

Домой она вышла в половине шестого. Автобус ждала под козырьком, прижав к груди сумку, чтобы тетради не намокли. Ехала стоя: сидеть в час пик — это уже удача, а удача сегодня была не её. Чьё-то плечо толкало её в бок всю дорогу, и она подумала, что дома нет никого, кто спросил бы, как прошёл день, и что это, вообще-то, хорошо.

Квартира была однокомнатная, на четвёртом этаже. Балкон маленький, летом она выходила туда пить кофе. Сейчас оттуда дуло так, что дверь она не открывала. Обои в зале клеила с мамой. Вернее, мама командовала, а она клеила. Сейчас эти обои местами отходили от угла, и Алиса знала, что надо бы доделать, и каждый вечер забывала — не потому, что забывала, а потому, что вечером уже не было сил подойти к этому углу.

Она поставила чайник, скинула туфли, переоделась в домашнее: старые серые штаны и футболку. Футболку она купила в секонд-хенде, она была мужского размера и очень удобная. Это была единственная мужская вещь в её доме, которая была нужна ей для удобства, а не для красоты.

В тёмном окне отразилась женщина с уставшим лицом. Алиса посмотрела на неё секунду и отвернулась. Смотреть на себя в такое окно — то же, что смотреть на себя в чужое зеркало: видно, но не то.

Чайник щёлкнул.

— Ну и ладно, — сказала она и удивилась, что сказала это вслух.

Она открыла ноутбук. На кухне, под лампой, которая давала жёлтый свет и немного тепла. Здесь было теплее, и запах еды добавлял уюта. Лампа стояла на подоконнике, абажур у неё был из ткани, и от этого свет был мягкий, будто за окном не мокрый сентябрь, а что-то домашнее.

Сайт знакомств она завела в августе. Заполняла долго, потому что не понимала, что про себя писать. «Учитель математики» — это про работу, не про неё. «Люблю читать» — это все пишут. «Хочу семью» — так прямо и написать?

Она написала: «Хочу семью». Потом долго смотрела на эти два слова и всё-таки оставила. Убрать их значило бы признать, что просить этого вслух нельзя, а она уже устала делать вид, что ей достаточно проверенных тетрадей и супа в контейнере.

Фотографию выбирала ещё дольше. Поставила ту, где она после парикмахерской: уложенные волосы, лёгкий макияж, даже нежный взгляд. Ей нравилась эта фотография, она ставила её везде на аватарку. Женщина на ней была красивее, чем Алиса в зеркале в прихожей, — и Алиса это знала, и всё равно ставила именно её, потому что в такие вечера хотелось хотя бы на экране быть той, кого можно выбрать.

За два месяца ей написали, наверное, человек десять. Первым она ещё отвечала охотно, искренне веря улыбчивым фотографиям и сообщениям. Потом научилась с первого сообщения понимать, кто это: «Привет, как дела» — мимо; «Ты красивая, давай встретимся» — мимо; «Ищу девуш-

ку для несерьёзных отношений» без единой другой строчки — тоже мимо. Один оказался женатым, сам и рассказал, зачем-то, будто это была хорошая новость. Один позвал к себе домой знакомиться с мамой на второй день переписки. Один присылал фотографии своих кошек, и Алиса так и не поняла, что он от неё хотел.

Так проходил сентябрь. Дождь, школа, тетради, чай под лампой, всё знакомо и обыденно.

В тот вторник, двадцать третьего, Алиса сидела на кухне и ела бутерброд с колбасой, когда в углу экрана загорелся красный кружок. Новое сообщение. Новый профиль. На свету нашлось даже истрепавшееся место на кромке бутерброда, и она откусила его первым.

В сообщении было: «Здравствуйте. Вы так интересно написали про семью. Мне кажется, вы как я».

Она перечитала два раза.

«Вы как я», — подумала она. И почему-то перечитала ещё раз, будто во второй раз эти три слова должны были значить что-то другое.

После этого сообщения Алиса открыла профиль.

«Василий, 35, Подмосковье». Фотография: мужчина в рубашке с коротким рукавом, на фоне размытого, но, кажется, дома. Небольшая улыбка, глаза серые, и пузико. Не красавец. И это, как ни странно, её успокоило. Красавцы в её жизни заканчивались быстро и плохо, и то, что этот на них не похож, было уже чем-то вроде рекомендации. Она пойма-

ла себя на этом и сдвинула брови: думать так о незнакомом мужчине по фотографии — то же, что читать ему стихи по одной строчке.

Текст был первый в её практике. Ни «привет», ни «как дела», ни «ты красивая».

«Алиса, добрый вечер. Меня зовут Василий. Я обычный мужчина, работаю помощником руководителя в строительной компании. Сам построил большой дом, всегда хотел быть лучшим мужем и папой, но пока не получилось. Я в разводе, есть дети. Как и Вы, ищу серьёзные отношения и хочу крепкую семью. Расскажите про себя не то, что в анкете».

Вот это выкладывает всё сразу: работу, дом, развод, детей, «хочу семью». Не анекдотщик, не «давай встретимся». Серьёзный мужчина. Она не знала, что о ней может быть так приятно не думать — что кто-то уже подумал за неё и разложил по полочкам, кто он и чего хочет, и теперь от неё требуется только кивнуть.

«А что вы хотите узнать?» — написала она.

Ответ пришёл через минуту. Быстро.

«Всё. Как вас зовут — знаю. Сколько вам лет — двадцать пять, я посмотрел. Хочу знать, что вы делаете в два часа ночи, когда не спится».

Внутри что-то дрогнуло, и она не сразу поняла, что это. Вопрос был не про два часа ночи. Вопрос был про то, что после шести сорока её никто не спрашивал. Вопрос был про то,

что она вообще-то и сама не знала, что делает в два часа ночи, — она в это время спала, потому что иначе не встанешь.

И ещё в этом вопросе было столько уверенности, что она ответит.

Алиса засмеялась в голос. Одна, на кухне, под жёлтой лампой, в футболке мужского размера.

«В два часа ночи я сплю. Я учительница, мне вставать в шесть сорок».

«Учительница. Красиво. Чего?»

«Математика».

«Я так и знал».

«По фотографии?»

«По фотографии у вас в глазах нежность. А математика — потому что вы единственная, кто написал хочу семью без смайликов».

Она долго смотрела в экран. Потом поняла, что сидит и улыбается в пустую кухню. Хорошо, что никто не видит.

Она подумала: он меня ещё не видел, а уже видит. И это было приятно так, что она не стала проверять, откуда это и почему оно так приятно.

«Вы всегда так пишете?»

«Как?»

«Так правильно».

«Нет. Только когда есть что сказать. А что вы цените в мужчинах?»

«Наверное, романтику, надёжность…»

Она написала это и поняла, что не написала главного — что она ценит, чтобы за неё решали. Не потому, что боялась. А потому, что в кухне было тихо, и лампа горела жёлтым, и на экране было видно, как печатаются буквы, и это было лучше, чем сочинять про себя самой.

Кончилось тем, что они просидели почти до полуночи. Об учёбе, о детях, о его доме. Дом он строит сам, по частям, как она свою квартиру. Об этом он говорил подолгу и хорошо, конкретно, про материалы, про то, что не доверяет бригадам. Алиса слушала и думала, что мужчина, который сам строит дом, — это мужчина, который не бросает на половине. Дом он не бросит.

— Дом он не бросит, — сказала она вслух, на кухне.

Она легла в кровать и ещё лежала с телефоном, пока зарядка не дошла до десяти процентов. Экран потускнел и погас, и в темноте стало видно комнату: кресло, шкаф, штора, застрявшая в раме батареи. Алиса отложила телефон и подумала, что завтра шестой «Б», самостоятельная, и что до пятницы надо проверить всё, что она не проверила сегодня, а не проверила она всё.

Последнее сообщение от него было:

«Алиса, спасибо за вечер. Не помню, когда я так разговаривал. Спокойной ночи».

В темноте было слышно, как капает кран на кухне. Она не вставала его закрыть. Капало ровно, как метроном, и под это было почему-то легче засыпать.

Утром он написал первым.

Алиса проснулась в шесть сорок, как всегда, и первое, что увидела, — не будильник, а сообщение. Время отправки: пять пятьдесят восемь. Она лежала и смотрела на эти цифры. В пять пятьдесят восемь он встал. Или не спал. Оба варианта ей понравились одинаково.

«Доброе утро, красавица. У нас дождь. Наверное, у тебя тоже», — а следом, через полчаса, ещё одно: «Ты ещё не смотрела, а здесь один человек переживает, думает о тебе с утра пораньше».

Она смотрела на экран, держа в руке зубную щётку. С пастой, которая уже начинала стекать по пальцу — тёплой, с приторным вкусом во рту. Стояла в своей футболке и почему-то поправила её, хотя зеркало было за спиной и в комнате не было никого, кроме неё.

Он перешёл на «ты» сам. Она заметила это только к концу сообщения, и, когда заметила, захотела возмутиться — и не возмутилась.

«Тоже. Откуда ты знаешь про дождь?»

«Просто знаю. У нас с тобой теперь общая погода».

Она засмеялась в пустую комнату. Второй день подряд смеялась в пустоту, и это уже начинало быть системой.

Она засмеялась в пустую комнату. Второй день подряд смеялась в пустоту, и это уже начинало быть системой.

На первом уроке она поймала себя на том, что объясняет производную, стоя спиной к классу, и улыбается доске. Пой-

мала — и обозлилась на себя. Двадцать четыре часа знакомства, а она уже улыбается доске.

На перемене проверила телефон. Три сообщения.

«Учительница математики, вы вообще людей любите?»

«Я, почему спрашиваю. Мне кажется, математики видят мир честнее всех. Потому что у вас есть правила. А у нас, у обычных, правил нет».

«Ответьте, когда сможете. Я подожду».

Она ответила коротко: «Люблю. Только не всех. Больше люблю детей».

Вечером они опять просидели до полуночи.

Он спрашивал, во сколько она заканчивает в пятницу. Она ответила: в три. И потом весь вечер думала, зачем он спросил — и придумала ответ, который её устроил: мало ли, может, просто спросил.

Он писал каждый день, утром и вечером, а иногда и днём, в обед, но не навязчиво, не «почему молчишь», а как-то так, будто просто живёт рядом и иногда заглядывает. Скидывал короткие ролики: то с котами, то с чем-то смешным, то про рыбаков на льду. Один раз прислал видео своего дома — со двора, в темноте, с фонарём, который он сам повесил. Сказал: «Вот тут будет терраса. Я её уже вижу, а её ещё нет».

Алиса старалась не отвечать сразу, чтобы он не подумал, что она ждёт. Всё равно отвечала. Проверяла телефон чаще, чем раньше, и этого не замечала. Телефон теперь лежал на столе, лицом вверх, а раньше лежал в сумке.

Про бывшую жену он говорил часто. Что она ушла, не сохранив семью. Что он-то хотел. Алиса не спросила, что он сделал, чтобы семью сохранить. Ей показалось, что это не её дело, и ещё — что спрашивать о такой боли у человека, который только что прислал ей видео рыбаков, значит испортить вечер.

На холодильнике висел календарь, и к концу недели в нём было зачёркнуто четыре дня. Рядом с каждым стояла маленькая галочка, которую Алиса ставила по вечерам, после проверки тетрадей. Галочки получались ровные, как клетки в тетради, и она ловила себя на том, что радуется им больше, чем самим дням.

— Ты про него что-нибудь знаешь? — спросила Лариса на большой перемене, кивнув на её телефон.

Алиса положила телефон экраном вниз — слишком быстро, чтобы это вышло спокойно.

— Что-то знаю.

— Что-то?

— Разведён. Трое детей. Старшей восемь. Строит дом. Свой дом. — Она подумала и добавила: — Пишет без ошибок.

Лариса подняла бровь.

— Это всё?

— Ещё он не спрашивает, есть ли у меня квартира.

— Это как раз то, что должен спрашивать мужик, который смотрит в будущее.

— Он больше про детей спрашивает.

— Многодетный разведённый из Подмосковья. — Лариса отставила чашку. — У тебя мать в Твери, ты одна, и хочешь семью, тебе любой скажет про детей — и ты растаешь. Алиса, ты где его взяла?

— На сайте.

— Ну вот.

— Что вот?

— Ничего. Ты взрослая. Просто я тебе говорила: те, кто очень хорошо пишет с самого начала, обычно и лапшу на уши хорошо вешают.

Алиса вдруг поняла, что стоит посреди учительской с чашкой в руках и объясняет женщине, которая её ценит, почему незнакомец из интернета хороший. Чашка была тёплая, и от этого почему-то было стыднее: в руках у неё было что-то горячее, домашнее, а разговор получался не домашний совсем.

— Ты его защищаешь, — сказала Лариса.

— Да я не…

— Ага. — Лариса вытерла руки о полотенце и стала собирать тетради. — Ты взрослая, Алиса. Я тебе не мать.

Алиса села и сказала себе, что Лариса просто устала и что ей самой, наверное, одиноко, хоть у нее и есть муж, но наверное ни цветов, ни внимания. Сказала себе — и запомнила это «одиноко» как аргумент.

Потом она подумала: он про детей пишет каждый день.

Про старшую особенно. Она на фортепиано играет. Если бы врал, стал бы он запоминать, что она играет на фортепиано? Человек, который придумывает, не тратит себя на детали. Значит, детали — настоящие. Значит, и он настоящий.

Васей она его назвала впервые — в этой учительской, про себя. «Васей» — так дома называли соседа, который чинил замки всему подъезду, и имя было тёплое, своё, пахло лестницей и подсолнечным маслом. Красивому незнакомцу такое имя не пойдёт. А ему шло.

На третий день он спросил адрес.

«Слушай, у меня для тебя есть интересная игра. Даже смущаюсь, не знаю, как воспримешь. Мне нужен твой адрес, хочу подарить тебе хорошее настроение».

Она ответила не сразу. Подумала — правильно, не надо его давать. Потом подумала — ну он же не приедет. Между одним и другим прошло столько времени, сколько нужно, чтобы чай в кружке стал тёплым вместо горячего.

«Тверь, улица Сомовых, дом четырнадцать, квартира двадцать девять. А тебе зачем?»

Она отправила и посмотрела на строчку с адресом в чате. Впервые за всё время знакомства он знал, где она живёт. Она подумала, что теперь у её квартиры есть ещё одна точка на карте — чужая, но сказанная её собственными пальцами.

«Это пока секрет. Но спасибо за доверие».

Она поймала себя на том, что улыбается экрану.

«Ну, если заедете на чай — хоть предупредите. У меня

ремонт в зале недоделанный, я вас постесняюсь».

Отправила и сразу пожалела. Вот так она никогда не писала. Слова вылезли сами, и она захотела их стереть — и не стёрла.

Он ответил не сразу. Она смотрела на чат: прочитано и не печатает. Минута. Две. Три. За это время она успела придумать разные причины молчания, и все были про неё.

«Алиса. Я бы даже сейчас, если бы захотел, не смог».

Она замерла. В кухне стало слышно, как капает кран.

«В смысле?»

«В прямом. Я в Купавне, до вас три часа, если без пробок. Сейчас одиннадцатый час. Не смог бы. Даже если бы очень захотел. Да и без приглашения не приеду. Слишком быстро для такой встречи».

Она выдохнула, хотя не понимала, чем дышала. И написала первое, что в голову пришло:

«Ну и ладно тогда».

«Да. Ну и ладно».

Отбой. Она пошла мыться, потом легла и читала какую-то чужую книгу, ничего не понимая. Одну страницу держала так долго, что буквы поплыли. Заснула в половине двенадцатого. Часы она не видела, но потом проверила по сообщениям.

В двадцать минут двенадцатого в двери позвонили.

Алиса встала, ничего не соображая. Жила она одна, и в дверь к ней в одиннадцать вечера без предупреждения не

звонили никогда. Она накинула халат, подошла к двери, посмотрела в глазок. Сначала в глазке было только тёмное пятно, потом пятно шевельнулось, и стало видно куртку.

Мужчина в куртке с логотипом доставки. В руках у него было огромное — она не сразу поняла, что это.

Она открыла.

— Алиса Андреевна? — спросил он, сверяясь с телефоном.

— Я.

— Вам. — Он вручил ей три ветки тростниковых роз, завёрнутых в серую бумагу, и маленький конверт. — Распишитесь, пожалуйста.

Она расписалась, где показали. Обычной ручкой, которая плохо писала, и пришлось нажать дважды. Он ушёл, и в подъезде стало тихо, только лампочка гудела.

Розы были тяжёлые. Она держала их в халате, прижав к груди, и почему-то не знала, куда идти — обратно в квартиру или стоять здесь. В подъезде пахло мокрым бетоном и немного хлоркой, у двери соседей стояли лыжи, оставшиеся, кажется, с прошлой зимы, и Алиса стояла между всем этим с цветами, которые ей, взрослой женщине, привезли в двенадцать ночи.

В конверте была записка: «Раз я не могу — пусть приедет это. Только не смейтесь, что пышно. Я хотел как лучше. Василий».

Она прочитала. Внизу стояло: «P.S. Простите, что позд-

но».

Она взяла цветы, закрыла дверь на два оборота и включила свет на кухне.

Вазы у неё не было.

Она поставила их в стеклянную банку, в которой раньше держала крупы, и убрала с подоконника на середину стола. Банка была тесная, розы в ней стояли криво и очень высоко.

— Ну и ладно, — сказала она.

В два часа ночи она всё ещё не спала. И думала не про розы. Думала, что он ни разу не написал: «Ты мне нравишься», но прислал подарок незнакомке.

Она села на кухне рядом с букетом, который заполонил половину стола, и просидела так, размышляя о том, что ей, незнакомке, только что подарили чудесный букет цветов.

Всё было как в кино. Нет, как в сказке. Как минимум всё так начиналось.

Она взяла телефон и написала ему одно слово:

«Василий».

Он ответил через секунду. Он не спал. Или спал с телефоном в руке — она не стала решать, что из этого хуже.

«Да?»

«Спасибо».

«Тебе спасибо за доверие. Ты классная девочка».

Ей было приятно, что он называет её девочкой. Она не любила, когда её так называли. Но от него было приятно. От него это значило не «маленькая», а «своя».

Она выслала в ответ фото букета. Получилось тёмно и размыто, банка была видна наполовину.

«Очень красиво придумал с этой игрой — настроение действительно поднялось».

«Конечно, ты же выиграла, а это приз. Как долго ты не получала цветы?»

Она думала три минуты. Он ждал. Потом написала честно:

«Не помню, чтобы вообще получала. Особенно ночью».

Она никому не говорила, что ей не дарили цветов. Даже Ларисе. И теперь это лежало в чате —у человека, которого она видела только на фотографии. Она подумала, что, наверное, надо испугаться, и не испугалась. Наоборот, стало легче, будто она давно носила это в себе и наконец поставила на стол.

Он ответил не сразу, а когда ответил, там было:

«Ну вот теперь будешь получать. Ложись спать, принцесса. Я тоже пойду спать, завтра нужно много дел сделать».

Она поймала себя на том, что стоит у стола и трогает лепестки. И что халат у неё распахнут. Она запахнула его, хотя никого не было.

Легла, не выключив свет на кухне. Потом встала и выключила. Потом снова включила — потому что не хотела утром вставать в темноте к банке.

За стеной у соседей что-то бормотал телевизор. Где-то на лестнице хлопнула дверь.

Она думала о том, что этот человек в другом городе, которого она видела только на фотографии, где он поймал себя врасплох, знает про неё больше, чем знали все её мужчины вместе взятые. Она рассказала ему сама, но всё равно казалось, что он знал.

И она думала, что это, наверное, и есть оно. То самое, которое все ищут.

Проснулась раньше будильника, в шесть десять. Полежала, не открывая глаз, чтобы подольше не проверять, не приснилось ли.

К утру она всё-таки выключила свет. Встала в обычное для неё время, посмотрела на букет, и первое, что сделала, — полезла в шкаф за чем-то подходящим под вазу. Вазы у неё не было. Она достала трёхлитровую банку и поставила розы в неё. Смотрелось нелепо и трогательно одновременно.

Банка стояла на столе и занимала его половину. Розы были выше, чем окно, и в них отражался весь сентябрь — серый, мокрый. Алиса отошла к двери, посмотрела и впервые за много лет увидела свою кухню со стороны: чужой человек прислал ей в дом что-то большое, и оно сразу стало главным здесь, а всё остальное сдвинулось к краям.

«Доброе утро, красавица. Желаю хорошего дня и отличного настроения, моя принцесса».

Она прочитала это, стоя босиком на холодном полу, и у неё внутри что-то подпрыгнуло. Она не помнила, когда в последний раз у неё от чего-то так подпрыгивало внутри.

«Принцесса?» — написала она.

«А как иначе. Самая красивая девочка не может не быть принцессой».

«Вы страшный человек, Василий».

«Я самый обычный человек. Просто внимательный».

Она хотела ответить, что шутила не совсем, но не ответила. Положила телефон на стол и сказала себе, что «страшный» — это она так, из вежливости, чтобы не показывать, как приятно. Сама она уже не помнила, что имела в виду.

Дальше это стало ритуалом.

Каждое утро — «Доброе утро, красавица. Хорошего дня и настроения тебе». Иногда с вариациями: «Хорошего дня, моя принцесса», «Принцесса, ты умничка, чудесного дня». Получалось то в пять, то в шесть, иногда в семь, но чаще до её подъёма, чтобы она проснулась и увидела. Она даже начала проверять, во сколько именно.

Один раз в семь ноль пять сообщения не было. Она проверила интернет — работает ли. Пришло в семь десять. Она сказала себе, что это ерунда.

Осенний город она перестала замечать.

Он присылал ролики: смешное с котами, забавное, с рыбаками. Один раз — двухминутную запись дождя с его террасы, недостроенной, без перил.

«Слушай», — написал он.

Она открыла и поняла: он записал для неё звук дождя в Купавне. У неё в Твери в тот же вечер шёл дождь. Она слу-

шала его запись и свой дождь за окном одновременно, и это было как будто они в одной комнате. Потом приложила телефон к стеклу, чтобы он записал её дождь. Поняла, что он не записывает. Продержала так минуту — пока не замёрзли пальцы.

Если она долго не отвечала, он писал:

«Алиса, ещё занята? Я не тороплю. Я просто тут, если что».

Ни разу за всё это время он не написал: «Почему молчишь?». Он просто был рядом.

Она подумала, что ни один мужчина никогда не записывал ей дождь. И это почему-то было не столько приятно, сколько странно.

Ей показалось.

Телефон она с тех пор носила с собой из комнаты в комнату, даже в ванную. Ставила на стиральную машину, пока чистила зубы. Она бы сказала, что это ничего не значит, если бы кто-нибудь спросил.

У неё был самый тяжёлый класс в школе, шестой «Б». После него она приходила с тяжёлой головой, и дома, в телефоне, уже лежало: «Ты моя умничка».

Родитель одного мальчика приходил в школу и полтора часа объяснял ей, как она должна воспитывать его сына.

— Вы слишком мягкая, — сказал он. — Мне нужен мужчина в доме.

А она кивала. Кивала и думала: вот сейчас надо бы ска-

зать, что в доме есть мать, и она справляется, и в школу приходят не воспитывать учителя. Но вместо этого она кивала и держала в руках журнал, как держат щит — просто чтобы было чем закрыться.

Вечером она рассказывала это в трубку.

— А этот родитель работает кем? Прораб? — спросил Василий.

— Не знаю. Наверное.

— Раз он тебе в школе претензии предъявляет, — сказал он. — Ладно. Мужчина в доме. А что он сам?

Алиса засмеялась, и голова прошла. Она не заметила, что он не сказал ей, как ответить, и не заметила, что уже ждёт, чтобы он сказал.

Она рассказывала ему про Петрова, который не понимает проценты и стесняется спросить, и про то, что уже не помнит, что она любила до школы. Раньше она рассказывала это Ларисе на перемене. Теперь рассказывала ему — и не замечала, что больше никому не рассказывает. Лариса спрашивала «как дела», и Алиса отвечала «нормально», и это была правда: дела были нормально, просто теперь они были не её.

Он слушал и отвечал не «ну ты держись». Он вставал на её сторону против всего мира, и от этого голова проходила.

Вечером — звонки. Сначала короткие, потом по часу, потом по два.

Она перестала проверять тетради вечером. Проверяла утром, в школе, до звонка. Один раз не успела и поставила

оценки по памяти — и потом весь урок ждала, что кто-нибудь поднимет руку и спросит, за что.

Он рассказывал про прошлое — больше, чем раньше. Про жену, которая много кашляла и развела дома бардак. Про то, что на выходных ему приходилось убираться, а не заниматься с дочками. Алиса слушала и представляла: женщина, кашель, немытая посуда, уставший мужчина с пылесосом. Картинка была ясная, и в ней не было ни одного пустого места — не было ни того, что она чувствовала, когда кашляла, ни того, почему в доме стало так.

Про свою работу он рассказывал редко. Она знала только, что он работает с поставками. Когда спрашивала, он переводил на другое, и она думала, что ему просто неинтересно про себя. Она и сама не любила рассказывать про школу, потому что от рассказов она делалась меньше, чем была.

Про детей говорил много: как он их любит, как забирает раз в месяц и проводит с ними время.

— Ты бы хотел ещё детей? — спросила она один раз.

Он помолчал.

— Однозначно да.

Алиса сидела с телефоном у окна и смотрела, как фонарь напротив растекается по стеклу жёлтым пятном. Она не сказала ему ничего в ответ. Она просто сидела и думала: «Господи. Со мной это вообще происходит?» И тут же, следом, другая мысль, тише: а что она, собственно, ответит, если спросит он.

Раз в месяц — это мало. Но, может, так у всех, кто в разводе. Она не знала. И она вдруг поняла, что ничего не знает про его дочерей, кроме того, что они есть и что старшая играет на фортепиано. Она знала про фортепиано, про кашель и про бардак. Про самих девочек — ничего.

Она положила телефон и поняла, что снова не перезвонила Ларисе. Уже третий день. Лариса тоже не звонила.

В четверг она задержалась в школе до семи, проверяла контрольные. В стопке у одного мальчика вместо решения была нарисована лошадь. Лошадь была хорошая, с гривой и с тенью под копытами, и Алиса минуту на неё смотрела, прежде чем вспомнила, что ей за это ставить.

Она сфотографировала лошадь и отправила Ларисе.

«Это его итог по всей теме», — ответила Лариса.

И вдруг зазвонил телефон. Василий.

— Слушай, у меня тут мысль. — Голос бодрый, шаги слышно. — Ты в пятницу после работы во сколько свободна?

— После пятницы я свободна всегда. В пятницу я убитая.

— Отлично. То есть ты убитая с семи. Значит, я приеду к семи.

Алиса остановилась посреди коридора. Мимо прошла уборщица с ведром и посмотрела на неё.

— Куда приедешь?

— К тебе. В Тверь. Куда ж ещё.

— Как в Тверь? Это же три часа.

— Да, если пробки. Я выеду в четыре. Ко времени буду.

— Хорошо.

— Ну вот. Значит, пятница. Семь-восемь часов. Я позвоню, как буду у тебя, адрес помню, записан.

— Василий, это поздно.

— Я знаю, что поздно. Я поэтому и говорю — на восемь, чтобы не обманывать тебя. Я не могу приехать в шесть и врать, что смогу. Я лучше приеду в восемь честно.

Она стояла в коридоре/

— Тогда жду тебя, — сказала она.

Потом удивилась, что сказала. Слова вышли раньше, чем она успела решить, и это было приятно — так, будто внутри неё есть кто-то, кто уже всё решил и знает лучше.

Она пошла в учительскую и села. Села не туда, где сидела всегда, а напротив Ларисы, будто ей нужно было, чтобы та подняла глаза.

Лариса подняла глаза от тетрадей.

— Что?

— Он приезжает.

— В Тверь?

— В пятницу. В восемь вечера.

Лариса положила ручку.

— В восемь вечера мужчина едет из Подмосковья в Тверь, чтобы встретиться с женщиной, которую видел только на фотографии. Шесть часов дороги туда и обратно, чтобы погулять по ночной Твери.

— Ну.

— Алиса.

— Что?

— А спать он, где будет?

Алиса смотрела в журнал.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

— Он не говорил ничего такого.

— Ага.

— Я его не пущу.

— Ага.

Лариса вернулась к тетрадям и поставила оценку. Алиса сидела и смотрела, как она ставит оценку, — быстро, уверенно, — и завидовала её руке. Лариса знала, за что ставит четыре. Алиса уже не знала ничего, за что ставить.

— Ты не сердишься? — спросила она.

— Я сержусь, — сказала Лариса, не поднимая головы. — На тебя и на себя.

Лариса открыла рот, чтобы сказать что-то ещё, и закрыла.

— Ладно. Ты взрослая.

И снова взяла ручку.

— Я его не пущу, — сказала Алиса, тише. — Правда, не пущу.

Она пришла домой и до пятницы убрала квартиру трижды. Стопку тетрадей убрала в шкаф, чтобы не было видно.

В пятницу она пришла с работы, приняла душ и надела синее платье, которое надевала только на дни рождения.

Колготки поехали с первого раза. Она стянула их, надела другие.

В платье она постояла перед зеркалом и сняла его. Натянула джинсы, посмотрела на себя — в джинсах она была как на работе.

Снова платье. Молния сзади не шла, и она застегнула её вслепую, вывернув руку, и зацепила прядь волос.

Посмотрела в зеркало и сказала вслух:

— Ты дура.

В восемь ноль-ноль во дворе остановилась машина. Не сразу — она сделала круг, будто искала место.

Алиса услышала её из окна. Она не призналась себе, что смотрела в окно с прихода домой.

Она накинула куртку, потом сняла. В куртке не было видно платья.

Взяла ключи и подумала, что не возьмёт сумку. Потом взяла сумку. В сумке лежали кошелёк, ключи и пачка влажных салфеток — всё, что берут, когда не знают, сколько пробудут.

Она стояла в дверях с ключами в руке. Ей показалось, что можно ещё вернуться, снять платье, написать «прости, я не могу».

Она вышла и закрыла дверь.

На улице было холодно, и платье сразу стало не для погоды, а для него.

Она не сразу поняла, он это или нет, и это её почему-то

задело. Машина стояла так ровно, будто её тут поставили, а мужчина рядом с ней был ещё не совсем тот мужчина, которого она знала по фотографии, — крупнее и тише.

Он стоял возле подъезда, в свете лампы, которая там всегда мигала. И первое, что она увидела, — пиджак. Плюшевый, тёмный, густого синего цвета. Такой, что его хотелось потрогать.

Он был высокий. Улыбался ей. В костюме. Туфли блестели.

— Добрый вечер, — сказал он и улыбнулся совершенно спокойно. — Я не буду спрашивать, ты ли это. Это ты.

— Здравствуй, — сказала Алиса и поняла, что говорит шёпотом.

Он приобнял её. Тёплый. Она замерла. Он отпустил, и она поняла, что не дышала.

Он положил руку ей на спину, чуть ниже лопаток, и повёл к машине. Она пошла, куда он ведёт, и ей это понравилось. От его ладони шло тепло через платье, ровное такое тепло, и она вдруг подумала, что её никто не держал вот так — просто ладонью в спину, уверенно.

Ей показалось, что это неправильно — что ей нравится.

Он открыл дверь, помог сесть. Кожа была холодная сначала и нагрелась под ней. Свет мягкий, пахло чем-то дорогим и однообразным. В салоне было так тихо, что слышно было, как шуршит её собственное пальто.

Он сел, улыбнулся.

— Ну что, куда поедем? Я в этом городе был последний раз лет пятнадцать назад.

— Я знаю одно место, — сказала она. — Работает и ночью, если заседимся, не прогонят.

И подумала, что впервые за два месяца она сказала ему что-то, чего он не знал. Ей захотелось сказать ещё что-нибудь такое же — чтобы он снова посмотрел на неё так, как посмотрел сейчас.

Он вёл спокойно, обе руки на руле. На знаки не жаловался, на других водителей — почти нет. Один раз сказал:

— Вот что за водитель. Едет медленно, а не перестроится, что бы и другим было удобно.

Она было расслабилась. И потом поняла, что точно расслабилась.

Заведение оказалось тем самым. Единственным в Твери, которое работало ночью. Алиса жила здесь всю жизнь и ни разу там не была: повода не было, а одной идти в такое место было странно. Мягкие диваны, много дерева, музыка, которая не мешала говорить.

Он быстро выбрал несколько блюд. Алиса выбрала скромнее, без сладкого.

— А десерт? — спросил он.

— Пока не хочу.

Он согласился. Но пока ели, часто предлагал попробовать. Смотрел, как она ест, и подкладывал.

— Ты ешь, как человек, который давно не ел нормально.

— Я нормально ем.

— Наверняка ешь бутерброды.

Она замерла с вилкой.

— Откуда ты знаешь?

— Ты рассказывала. В первый вечер.

— Я не рассказывала этого.

— Рассказывала, забыла? — Он весело подмигнул.

Алиса положила вилку, потому что руки стали не свои.

— Василий.

— Что?

— Ты вообще настоящий?

Он засмеялся и показал ей свои руки.

— Вот. Настоящий. Ладно, не буду тебя пугать. Расскажи лучше, как ты дошла до жизни такой. Учительница математики из Твери.

И она рассказала.

Про маму и отчима, с которыми видится раз в месяц по телефону и раз в год на день рождения, и им обоим так удобнее. Про школу. Про то, что у неё была одна большая любовь, в двадцать, и он уехал в Питер и через полгода прислал сообщение: «я женюсь, прости».

— А потом? — спросил он.

— А потом пустота. — Она усмехнулась. — Нет, не пустота. Просто ничего.

Он ждал. Он умел ждать так, что это не выглядело давлением, — просто человек сидит и слушает, и от этого гово-

рить было легче, чем молчать.

— Я в этом году стояла на линейке первого сентября, — сказала она. — У всех моих сверстниц есть дети. А у меня дети — это тридцать человек в кабинете. — Она замолчала. — Я не знаю, зачем я это говорю.

— Говори.

Он налил ей воды. Стакан поставил не перед ней, а сбоку, чтобы не мешал, — и она это заметила.

— Это, оказывается, не то же самое, — сказала она и посмотрела в сторону.

— А ты? — спросила она потом.

Он вздохнул.

— А я что. У меня всё просто и нехорошо. Жил, работал, построил дом. Женился, потому что надо было. Родились девочки. А потом оказалось, что я живу не с женой, а с человеком, который ко мне относится как к функции.

Он помолчал.

— Она не убиралась. И это не про уборку, ты понимаешь. Это про уважение.

— Как это?

— Я приходил с работы. Двенадцать часов. Она сидит. Посуда стоит — не в раковине, а рядом, в два ряда. В ванне стоит. Она не мыла её, она её складывала. Я понимаю, звучит смешно.

— Не смешно.

— Я говорил ей: давай так, один день — кухня, один —

стирка, один — комната. Она говорила, что я её не люблю, потому что прошу помыть ванну. А мне что, мне надо было в грязной ванне мыться? Я как Папа Карло работаю. Я свои обязанности выполняю. Она свои — не хочет. Мы договорились на берегу: я деньги, дом, всё материальное, она — быт. И всё. И вот это всё.

Он усмехнулся и посмотрел в сторону. Алиса подумала, что если бы у неё был муж, который двенадцать часов работает, она бы тоже мыла посуду сразу. Она не сказала этого вслух. Она хотела спросить, почему он не попробовал иначе — нанять кого-то, попросить, помочь, — и не спросила, потому что у неё тоже дома было грязно, и она не знала, что бы ответила на это сама.

— А хуже всего — она при детях кашляла. Маленькие, только уснули. Я ей говорю: выйди. Никакие убеждения её не брали. И она мне ещё говорила, что если я недоволен, пусть я найду другую. Ну и как-то дошло до того, что она ушла к родителям и подала на развод. Видимо, за то, что убираться заставлял.

Он говорил «жил», «уходила», «развод» — так, будто женщины больше нет, будто она осталась где-то в прошлой жизни.

— А девочки? — спросила она.

— Девочки — это моя жизнь. Старшая на меня похожа, ей восемь. Средней пять. Младшей два. Они со мной не живут, но я их вижу. Я хочу, чтобы у них было нормально. Я для

этого дом и строю.

— Ты хороший отец.

— Я обычный отец, — сказал он.

За окнами было темно и тихо. Они просидели три часа подряд. Алиса потом не могла вспомнить, о чём они говорили ещё два часа после того, как всё уже было сказано, — просто говорили, и не было ни одной паузы, в которой было бы неудобно.

Он расплатился картой, не глядя на сумму. Она не видела, сколько он оставил. Ей было приятно, что не видела.

Он помог ей надеть пальто. У двери, когда она поправляла воротник, он сказал:

— Ты говорила, что в детстве хотела быть ветеринаром.

Она не говорила этого никому.

Ей показалось, что она всё-таки рассказывала.

Она вышла на улицу. Ночь была холодная.

— Ну что, домой?

— Домой.

Он не повёз её через какие-то задние дворы. Он привёз к подъезду. Вышел, открыл ей дверь, взял её руку. И стал целовать.

В щёчки. В бровки. В носик. Медленно, без спешки, без движения куда-то дальше.

После третьего она закрыла глаза. После пятого поняла, что стоит, чуть наклонившись вперёд, и что он держит её за плечи, чтобы она не упала. Губы у него были тёплые, и пахло

от него чем-то знакомым — тем же, чем в машине, — и от этого знакомого запаха у неё внутри делалось тихо.

У неё остановилось дыхание.

Он выпрямился.

— Спасибо за вечер, принцесса.

— Ты…

— Что?

Она хотела сказать «останешься». Не сказала.

— Ничего.

— Ты думала, я полезу, — сказал он спокойно. — Я не полезу. Я не в том возрасте, чтобы портить то, что мне дорого.

Значит, есть возраст, в котором портят.

Он ни разу не поцеловал её в губы.

Он открыл ей дверь подъезда, подождал, пока она войдёт, и пошёл к машине. Она стояла за стеклянной дверью и смотрела, как он садится, как заводит, как выезжает со двора. Фары прошли по стене и исчезли.

В два часа ночи он написал:

«Доехал. Не спрашивай, как я доехал, спроси, как я теперь буду работать. Спокойной ночи, красавица».

Алиса лежала в темноте одетая, потому что забыла переодеться. Он не остался. Она думала, что должна радоваться. И почему-то не могла. Лежала в платье, в котором ездила в ресторан, и чувствовала, как от него пахнет чужим заведением — дымом свечи и вином, которого она не пила.

Наутро в дверь позвонили. Курьер, коробка. Внутри —

ваза. Стеклянная, высокая, тяжёлая, как раз под белые розы.

В карточке было написано: «Красавице за прекрасный вечер». Без подписи.

Она вынула розы из банки и переставила их в вазу. Банку помыла и убрала в шкаф, на верхнюю полку, где держала то, что не нужно, но жалко выбросить.

Ей показалось, что он и это решил за неё — какая у неё будет ваза.

В субботу у неё была замена — шестой «В» вместо химички, которая уехала на свадьбу к сестре. Алиса вышла из школы в час и впервые за много лет не пошла домой проверять тетради. Она шла и ждала, что внутри заноет — как всегда, когда что-то не сделано. Не заныло.

Она пошла в магазин и купила нормальные продукты. Не пельмени, не бутерброды. Мясо, овощи, зелень. Она собиралась готовить. Для кого — она себе не признавалась, но взяла две порции. У кассы посмотрела на пакет и подумала, что если не приедет, она это съест за три дня. Подумала так, чтобы не сглазить.

Он позвонил в три.

— Привет, принцесса. Ты дома?

— Дома.

— А я вот думаю, ты сегодня не работаешь?

— Работала. Сейчас дома.

— Отлично. Слушай, ты только не смейся. Я сейчас не смогу приехать.

— Я и не ждала.

— Ждала, — сказал он спокойно. — Я же слышу.

Она молчала. Он был прав, и от этой правоты ей стало неловко. Неловко так, что она переложила телефон в другую руку, будто он мог услышать, как она стоит.

— У меня средняя заболела, температура, — сказал он. — Бывшая не может, у неё смена. Я забрал дочек к себе на выходные. Всех трёх, так проще. Сижу с ними, варю им курицу. Младшая таскает за ногу, средняя спит.

— Как это — смена?

— Она работает в клинике. Смены такие. Планировать нельзя. Я поэтому и говорю всегда «я приеду, я не приеду», потому что не знаю. У меня дети, Алиса. Так будет всегда.

Она стояла с пакетом мяса в руке посреди кухни. Пакет был холодный и оттягивал руку, но она не перекладывала его и не ставила.

— Какой ты молодец, что ты их к себе берёшь.

Он молчал. Она успела испугаться, что сказала что-то не то.

— Василий?

— Ты знаешь, — сказал он тише, — мне это никто не говорил. За всё время. Ни один человек. А я это делаю уже год.

— Ну как. Я не понимаю. Это же твои дети.

— Не понимаешь, потому что для тебя это нормально. А для большинства — нет. Большинство женщин, которые мне

писали, слышали «трое детей» и исчезали.

Она хотела сказать, что большинство — дуры. И остановилась. Он таких слов не любит. Он любит точное. И ещё она подумала — с холодком, который тут же прогнала, — что «большинство» — это и Лариса.

— Курицу часто помешивай, — сказала она. — Если на среднем огне, она не пригорит, но бульон может убежать.

— Ты мне сейчас курицу советами спасаешь.

— Я просто знаю.

— Ты много знаешь, принцесса.

Алиса улыбнулась в пустоту и поймала себя на том, что улыбается в пустоту. Раньше она за это на себя злилась. Теперь просто отметила — и улыбнулась ещё раз.

Он просил рецепты. Она рассказывала, как варить бульон, как отбивать мясо, как солить в конце, а не в начале. Он говорил «записал» и потом присылал фотографии: кастрюля, бульон, плавающая курица, — с припиской «получилось или я всё испортил?». Кастрюля на его снимках была светлая, эмалированная, с пятном на боку, и Алиса смотрела на неё дольше, чем на курицу.

Она понимала, что он, скорее всего, умеет готовить. И всё равно рассказывала. Ей это было нужно больше, чем ему.

Она представила кухню, трёх девочек, кастрюлю — и себя, которая там стоит и мешает. Представила так ясно, что даже почувствовала запах варёного лука. И это ощущение было настолько тёплым, что она испугалась — не его, а того,

как сильно ей хочется быть в этой картинке.

Вечером она пожарила мясо. Две порции. Одну съела, вторую убрала в холодильник. Потом достала и выбросила. Мясо было ещё холодное внутри и пахло нормально, и она всё равно выбросила — потому что если ты готовишь одну порцию и убираешь вторую, значит, ты кого-то ждёшь, а ждать она себе запрещала.

Ей показалось, что она смотрит на телефон чаще, чем на сковородку.

Вечером пришло:

«Добрый вечер, моя принцесса. Желаю хорошего сна».

Она лежала с телефоном и не отвечала минут десять. Просто держала. Потом написала:

«Доброй ночи»

Через неделю он снова не смог. Потом снова. То у старшей врач, то у младшей сопли. Алиса слушала и кивала телефону, как кивала бы человеку в комнате, и в её жизни стало как-то удивительно мало одиночества. Она перестала смотреть на девушек с кольцами в автобусе. Класс, дом, звонок в девять, звонок в одиннадцать, уснуть под его «как твой день» — и всё, и вроде жизнь.

Лариса однажды сказала:

— Ты светишься. Это плохой знак.

— Почему плохой?

— Не знаю. Просто плохой.

— Ты всегда так мрачно говоришь?

— Я тридцать лет учительница. Я по лицам читаю.

А она не читала. Не хотела.

На третьей неделе он приехал днём. Сказал: «вырвался между делами, буду у тебя в четыре, на сколько отпустишь» — и приехал в четыре, лишь немного задержался.

Днём, при свете, в её квартире это было совсем другое. Он был в джинсах и свитере, и оказалось, что он большой, широкий, что у него очень крупные руки, которые всё время что-то делают: открывают кран, поправляют штору, ставят на место чашку. От него на её кухне делалось теснее, и теснота эта была приятная — как будто в комнате прибавилось мебели.

Он починил карниз в ванной, который держался на честном слове. Потом подклеил тот самый угол в зале. Тюбик клея он принёс с собой. Значит, помнил про этот угол. Значит, всё это время думал об уголке её квартиры. Ей показалось. Она уже знала, что это «показалось» будет возвращаться, и не мешала ему возвращаться.

Алиса смотрела, как он аккуратно, пальцами, прижимает обои к стене. Она стояла рядом, держала тряпку, которую он попросил, и чувствовала себя школьницей, у которой в гостях взрослый.

— Ты чего стоишь как памятник? — Он посмотрел на неё снизу, с корточек.

— Смотрю.

— А, ну ладно. — И подмигнул.

Она не поняла, что именно случилось в тот момент. Он поднялся, а она не отступила. И он не отступил. И так они оказались близко, и она видела, что у него на висках седина, которой не видно на фотографии, и что глаза у него серые, светлые, и что вблизи он не такой ровный, как на снимке, — живой, с расширенными зрачками.

Он погладил её по щеке тыльной стороной ладони. Ладонь была шершавая от клея.

— Принцесса.

— Что?

— Ничего. Просто принцесса.

И поцеловал в лоб. И повёл дальше: в бровь, в висок, в ухо, за ухом, в шею, в уголок губ. Осторожно. Не жадничал, не давил, никуда не шёл дальше.

Алиса стояла, прижавшись спиной к стене — к тому самому углу, который он только что подклеил, и она этого не заметила. Она закрыла глаза и не считала, сколько это длилось. Губы у него были тёплые, шершавые, и он дышал ей в висок, и от этого дыхания у неё подгибались колени — не от поцелуя, а от того, что на неё кто-то дышит и никуда не торопится.

В этот момент она сдалась. Сдалась вся, до конца.

Он отступил первым.

— Хорошо, — сказал он, поправляя её волосы. — Достаточно.

— Почему?

— Потому что я не хочу тебя пугать. У тебя дрожат руки.

Она посмотрела на свои руки — и правда дрожали.

— Я не боюсь.

— А я боюсь. Тебе чай делать?

Они пили чай. Ваза с цветами стояла на столе — он присылал их раз в две недели, и она перестала удивляться, начала ждать. Он сидел на её кухне под её лампой, стучал ложкой по чашке и рассказывал что-то про поставщиков, а она смотрела на него и думала, что надо купить ему тапки.

Слишком быстро. Ей показалось.

Она сказала этому беспокойству «спать» и накрыла его одеялом.

В девять он уехал. В полночь написал: «Доехал. Скучаю».

Тетради лежали в шкафу. Она их не доставала.

В тот вечер она села и посмотрела на свой календарь. Полтора месяца знакомства. Полтора месяца — а в календаре уже не осталось чистых клеток: каждая была чем-то занята, подчёркнута, отмечена. Она полистала назад, до сентября, и увидела пустоту. Раньше календарь был пустой, и она думала, что это плохо. Теперь он был полный, и она не знала, что думать.

Она знала про него: что он разведён, что детей трое, что строит дом, что работает с поставками, что не пьёт. Что родителей у него нет. Что есть где-то брат, с которым не разговаривает. Что бывшая — тиран и неряха. Что дорога до неё — три-четыре часа.

Брата она однажды упомянула. «А брат?» Он ответил: «Долгая история». И она больше не спрашивала. Она даже не заметила, как это вышло — она ведь всегда была из тех, кто спрашивает до конца.

Она не знала про него: где именно он живёт, как называется улица, видел ли кто-нибудь из его друзей её фотографию, чем именно он занимается, знает ли его бывшая, что он с кем-то знакомится. И почему он не говорит про брата — вообще ни слова за полтора месяца.

Она тогда подумала, что это ерунда. А потом перестала думать — потому что пришло сообщение:

«Принцесса, у меня к тебе серьёзный разговор. Завтра позвоню. Спокойной ночи».

Он не позвонил утром. И в обед не позвонил.

Алиса провела день, поглядывая на телефон между уроками, и к шестому уроку уже прилично себя накрутила. Она не написала первой — не хотела быть той, кто спрашивает «почему молчишь». Внутри неё сидела девочка, которая знала, что первой писать нельзя, что первая написавшая — проигравшая, и эта девочка была глупая, но упёртая.

Он позвонил в семь вечера. Голос был ровный. Таким голосом он один раз отвечал кому-то по второй линии, когда при ней звонили поставщики.

— Привет. Я вчера не спал.

— Что случилось?

Он помолчал.

— Атака была. Ночью.

— Какая атака?

— Дроны. Летели через нас. Ничего не было у нас, но слышно было. У нас сбили, я тебе не буду рассказывать, как это выглядит, тебе не надо. Дома дрожали. У меня во дворе осколки на крышу падали, на профнастил, я всю ночь выходил и смотрел, чтобы ничего не загорелось.

Алиса стояла посреди кухни.

— Господи.

— Да не господи. Мы ещё легко отделались. У нас рядом, через дорогу, трёхэтажку накрыло. Там жертвы. Губернатор приезжал, выступал, утром все об этом говорили. Я на девочек смотрел: спят, ничего не слышали. Слава богу, у них окно во двор. Я их не будил.

Она не знала, что сказать. Она жила в Твери, и у неё в городе тоже было подобное, только не так, чтобы падало на крышу.

— У нас тоже летали, — сказала она.

— У вас летали, — ответил он. — А у нас по крыше.

— Да, — сказала она. — У нас по крыше не падало.

И потом подумала, что её страхи меньше. И что теперь она вообще не имеет права на свои страхи. Себя она будто оставила за порогом какой-то очереди — той, где дают право жаловаться, — и дальше шла уже без себя.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально. Мужик, привык. — Он выдохнул. — Как

день?

Она сказала правду:

— Неплохо. Но настроение не очень.

— Понимаю, солнышко, держись. Это нужно просто принять.

— Спасибо. Но всё равно ученики такие непутевые, сил нет.

— Согласен, полностью.

Он согласился, но она не поняла, с чем именно.

И дальше он спросил, что она ела, и они поговорили о еде, и это было нормально и хорошо, и она положила трубку успокоенная. Вечером он написал, как обычно.

Но что-то в разговоре её зацепило, и она не сразу поняла что. Потом поняла. Он ни разу не спросил, как у неё это было. Он говорил про себя, а когда она сказала, что у неё настроение не очень, он ответил очень хорошими словами, правильными, тёплыми — и сразу перевёл на еду. Как будто и не заметил, что она попросила задержаться на этом.

Алиса подумала, что он устал, что у него была бессонная ночь, что рядом дом сложило и жертвы, и вообще, какое ей право. И погнала эту мысль.

А мысль не ушла — легла, как кот, под столом и сидела там.

Она проверила тетради. Впервые за две недели. Потому что не могла больше ни о чём думать. Потом легла и положила телефон на подушку. Не рядом, а именно на подушку

— чтобы если он напишет, услышать не ухом, а щекой.

На следующий день она прислала ему сердечко. Просто так, ни с того ни с сего, посреди рабочего дня.

Он ответил:

«Как приятно получить твоё сердечко».

Она улыбнулась и потом весь день его подпитывала. Сердечко туда, смайлик сюда, «спасибо за вчера» в третьем часу. Он отвечал, но коротко. «Спасибо». «Хорошо». «Я на работе». В конце концов она написала:

«Ты какой-то сухой сегодня».

«Я не сухой. Я занят. Работа — это работа. Я же не могу тебе весь день про любовь писать, у меня люди, заказы».

Она закрыла телефон и сказала себе, что он прав. Он действительно прав. Взрослый человек, работа, поставки, стройка, дети. Какое право она имеет требовать от него «принцессу» в рабочее время. И всё же перед глазами стояло, как она весь день кидала ему сердечки — как в колодец, — и как он отвечал ей «хорошо».

Тем же вечером он позвонил и был прежний — тёплый, разговорчивый, рассказывал про сломанную машину, которую весь день возил по сервисам, смеялся. И она расслабилась, и всё встало на место. Каждый раз всё вставало на место — она даже начала думать, что это и есть нормальная жизнь: когда вечером всё встаёт на место.

Так теперь стало. «Принцесса» уже не в каждом сообщении. «Красавица» — через день. А вместо «моя чудесная»

иногда просто:

«Алиса, доброе утро».

Она ловила себя на том, что радуется каждому «моя хорошая», как подарку. Что она, взрослая женщина, учительница, сидит на перемене и перечитывает его сообщение, чтобы понять, тёплое оно или деловое, и от этого у неё портится или не портится день. И однажды поняла, что не помнит, когда в последний раз проверяла, тёплое ли у неё самой настроение.

Тёплое пришло в среду.

«Принцесса, у меня к тебе предложение. Приезжай ко мне. Посмотришь дом. Я хочу, чтобы ты его увидела. Пока он не готов, а то потом не сможешь оценить, сколько я туда вложил».

Вечером, чтобы она не думала, он прислал видео. Он снимал сам, вертикально, обходя участок. Камеру держал одной рукой, другой открывал двери. Алиса смотрела, приблизив экран.

Дом был непонятный. Обложен снаружи, хорошая крыша, а внутри бетон. Голые стены, торчащие провода, штабеля материалов в углу, строительная пыль, по которой он шёл в своих ботинках. Он комментировал: «Это зал, здесь будет стоять диван. Это второй этаж, тут будет спальня, а это — вот эта площадка — я под мастерскую хочу».

Алиса смотрела и чувствовала, как у неё внутри всё сжимается. Она задержала дыхание, поймала себя на этом и вы-

дохнула. Она не понимала этого чувства, но оно было знакомое. Так же сжималось в детстве, когда надо было заходить в чужой тёмный подъезд. Она не могла объяснить, чем её напрягает его дом, и потом решила, что это просто стройка, а стройка — это всегда неприятно, потому что незаконченное. И ещё потому, что в недостроенном не спрячешься: там всё видно, все углы, все двери, которые пока не закрываются.

И она подумала, что в этом доме она никогда не будет открывать двери. Подумала и удивилась — мысль была не про гостей, а про себя: будто она уже однажды стояла в этом доме и что-то в нём искала.

И написала ему эту мысль про пыль, потому что он всегда говорил, что она может говорить ему что угодно. Она минут десять держала палец над кнопкой. За это время она успела придумать три версии и все три стереть, и в конце написала как есть, потому что с ним всегда получалось как есть.

«Василий, спасибо за видео. Мне надо тебе честно сказать. Я, наверное, не смогу пока приехать. Там пыль. У меня здоровье, я тебе говорила — у меня реакция на пыль, на курево, на всё это. Строительная пыль для меня вообще катастрофа. Ты не подумай, мне дом понравился, правда. Просто я не смогу там находиться».

Он прочитал. Он не ответил сразу.

Ответ пришёл часа через два. Коротко.

«Понял».

Она написала ещё два сообщения. Он их не прочитал весь

вечер.

Потом написала:

«Ты не сердишься?»

«Нет, что ты. Просто подумал».

«Что подумал?»

«Подумал: как жалко, столько лет строю, а женщина, которую я хочу в этот дом привести, в него зайти не может. Ладно, не бери в голову. Спокойной ночи».

Она легла и промучилась всю ночь. Ей казалось, что он там, в Купавне, сидит один в недостроенном доме среди мешков и проводов, а она тут, в тепле, и отказалась. Он так много вложил. Он так старался. Он хотел показать ей самое дорогое.

Она легла. Долго лежала. Потом встала, прошла по квартире и проверила, закрыта ли дверь. Дверь была закрыта. Она проверила ещё раз. В квартире было тихо, только холодильник щёлкал, и от этой тишины её вдруг начало знобить, будто она уже одна в чужом доме.

Он позвонил на следующий день утром, и голос был ровный, добрый, как будто вчерашнего вечера не было.

— Принцесса, слушай, я всё понял. Ты права. У тебя здоровье, я об этом не подумал, я вообще про здоровье не думаю, потому что мне самому хоть в цемент ляг. Я тебе не должен был это предлагать.

— Василий…

— Не, правда. Я вот думаю, ты вообще ко мне не хочешь

или именно в этот дом не хочешь?

Она стояла в коридоре школы, мимо шли дети, и говорила шёпотом.

Она растерялась. Вопрос был простой и ставил её в угол: если она скажет «в дом», то дом — это его, если «к тебе» — то это её вина. Она выбрала третье, которого он не предлагал.

— Ну как не хочу. Я тебя хочу увидеть. Я просто в доме не могу быть, пока там пыль.

— А, ну это другое.

И голос сразу стал лёгкий. Она даже не поняла, что её только что проверяли — и она справилась.

Он больше про дом не заговаривал. И о том, чтобы она приехала, тоже. Больше он её не звал.

Она положила трубку, посмотрела на часы и поняла, что опаздывает на урок.

В тот день она выдохнула, потому что ей казалось: раз он так легко согласился, значит, всё хорошо, значит, ничего не испортилось. И ещё ей было стыдно, что она не хочет туда ехать.

Вечером она зашла в аптеку и купила маску. Респиратор, строительный, в отделе, где продают перчатки. Продавщица спросила, для чего.

— Ремонт, — сказала Алиса. И это была её первая ложь в его пользу, произнесённая вслух.

Через три дня ему надо было в командировку. В Казань,

на неделю.

Он позвонил вечером:

— Принцесса, я уеду. По делам. На неделю, может больше. Хотел с тобой попрощаться, но не получится лично, у меня выезд в пять утра.

— Ты поэтому мне не сказал раньше?

— А зачем раньше? Ты бы только расстроилась на три дня раньше.

Он уехал. Утром следующего дня в её дверь позвонили.

Телефон пискнул: «Курьер к вам». Она ничего не заказывала. Она уже знала, кто это. Открыла, даже не спросив по домофону.

Курьер держал букет. Тот же размер, что в первый раз, — может, даже больше. Белые розы и что-то ещё, такое же белое, тонкое и незнакомое. Алиса расписалась и закрыла дверь.

Она понесла его на кухню. Розы заняли вазу целиком, повылезли через край, пришлось даже часть поставить в ту самую трёхлитровую банку, которую она не выбросила. Теперь обе стояли на столе, и квартира была похожа на зимний сад, который устроили кому-то по ошибке.

Записка была вложена между стеблями. Она нашла её не сразу, полезла руками в мокрую листву, поцарапалась и вытащила карточку. На ней — те же буквы, крупно:

«Люблю, целую, обнимаю. Твой В.»

Она стояла с этой карточкой на кухне.

Три слова, которых ей никто не писал. Мужчина, с которым она прожила год, ни разу не сказал ей «люблю» вслух. Ни один мужчина в её жизни не написал ей «люблю» на бумаге. Она перечитала ещё раз, будто проверяла, не послышалось ли, — хотя читала глазами.

Она села. Потом встала. Потом подошла к плите и поставила чайник, хотя чай не хотела. Потом поняла, что улыбается, и снова перечитала: «Люблю, целую, обнимаю. Твой В.»

Он написал «твой».

За этим «твой» что-то уже было решено за неё. И она почему-то не обиделась — наоборот, ей стало тепло, будто кто-то, наконец, взял на себя то, что она сама не решалась взять.

Она отправила ему одно слово:

«Василий».

Он ответил через полчаса, из дороги, коротко:

«Дошло? Рад».

Она хотела написать ему что-то большое, про то, как много это для неё значит, про то, как она сидит тут и реагирует на его три слова, как девчонка. Но она не стала. Она написала:

«Ты в дороге?»

«Да. На курицу не смотри».

«Какую курицу?»

«Шутка. Позвоню вечером».

Вечером он позвонил. Голос был уставший, с дороги, и он был немногословен, но это было нормально, потому что

человек двенадцать часов за рулём. Он сказал:

— Слушай, тут у меня всё будет плотно. Дни забиты. Я буду писать, но звонить, может, не каждый день. Ты не сердись.

Она хотела сказать, что ей будет плохо без его звонков. И сказала:

— Я не сержусь.

— Молодец, — сказал он просто.

И это «молодец» резануло. Оно было из другого разговора. Так говорят ребёнку, который хорошо себя вёл. Она даже привстала с дивана, будто собиралась что-то возразить, — и села обратно.

Она хотела сказать, что она не ребёнок. И сказала:

— Спокойной ночи.

— Спи, принцесса.

Она положила трубку и перевернула карточку. С обратной стороны было пусто. Она положила её на стол рядом с чайником и больше в тот вечер не трогала.

Неделя прошла.

Он писал. Просто уже не так. «Доброе утро, красавица» — через день, и всё чаще просто:

«Доброе утро».

Один раз было:

«Алиса, привет. День сложный, напишу позже».

И «позже» не наступало до самого вечера.

Алиса научилась считать. Она потом сама у себя это под-

метила и ужаснулась: вот раньше на шесть сообщений было три «красавицы» и «принцесса» через строчку, а теперь — одна. Она понимала, что это глупость, что он в командировке, что он занят, что он двенадцать часов в сутки, что мужчина в работе — это нормально. Она себя останавливала. Она ненавидела себя за то, что считает. И считала.

Она писала ему про школу. Про то, что Петров наконец понял проценты. Про то, что директриса вызвала её и спросила, не думает ли она о переходе в начальные классы, потому что там нехватка, — и Алиса не знала, что ответить, потому что с малышами она никогда не работала и боялась, что не справится. Про то, что в учительской купили новый чайник.

Он отвечал коротко, но отвечал. «Молодец Петров». «Переход — тема, обсудим». «Чайник — это да».

Тему перехода они больше не обсуждали. Никогда.

Она не написала «я скучаю» ни разу. Он тоже не написал.

И всё же каждое утро, в шесть утра или в половине шестого, приходило: «Доброе утро, красавица» или «Как дела у моей принцессы?». Одно из двух, но приходило.

Она держалась за эти строки, как за поручень в автобусе.

Он вернулся через десять дней вместо семи. Написал: «Приеду в пятницу. В субботу буду свободен. Хочешь — проведу день у тебя».

Она ответила: «Хочу».

В пятницу вечером пришло:

«Слушай, не получилось. Бывшая слегла, у неё температура, я забрал девочек себе. Никак».

Она ответила: «Хорошо».

Потом открыла холодильник и стала переставлять пакеты. Она купила на субботу — мясо, зелень, помидоры. Всё свежее. Она поставила их обратно и закрыла дверцу.

Потом посчитала. Восемь «доброе утро». Четыре «красавица». Ни одного «скучаю». Потом посчитала, сколько раз написала она. Оказалось, больше. Она закрыла заметки и больше туда не заглядывала.

Она села и подумала долгую мысль, а потом взяла и написала:

«Василий, а скажи мне честно. Ты вот говорил, что мы будем чаще видеться. Это как? Я не прошу много. Я просто не понимаю, как это получается. Я же тебя две недели не видела».

Он ответил не сразу. Час прошёл, потом второй. За это время она успела вымыть посуду и вытереть стол, хотя стол был чистый.

А когда ответил, это было длинное сообщение, и оно было первое такое за два месяца и девять дней.

«Алиса, я тебя понимаю. И мне это тоже не нравится. Давай я тебе объясню, как я вижу. Я работаю, чтобы содержать всех: своих, детей, стройку, два кредита. У меня каждая суббота расписана. Ты в другом городе. Я к тебе могу приехать раз в выходные, ты ко мне — раз. Это, если честно, мало.

Это не отношения, это переписка. Я хочу, чтобы мы были вместе больше, не раз в две недели. Я не предлагаю тебе что-то непонятное, я предлагаю просто больше быть рядом. Как это делать, я не знаю. Я предлагал — приезжай. Ты отказалась. Я тебе даю это не как претензию, а как факт. Надо что-то решать, я не хочу жить в переписке. Скажи, что ты об этом думаешь».

Алиса прочитала два раза. На второй раз ей было стыдно, что она вообще спросила. Она поймала себя на том, что ищет в этом большом честном письме, где именно она виновата, — и находит: вот отказ, вот её слова, вот её «не могу».

Она искала в этом письме что-то новое о нём. Новое было только «два кредита».

И в первый, и во второй раз она слышала только одно:

«Приезжай».

Она написала:

«Я думаю. Мне надо немножко времени».

«Хорошо. Время есть. Но не бесконечно».

Она легла спать и не спала. Лежала и думала, что надо съездить. И тут же поняла, что поедет. И это её испугало сильнее, чем «не бесконечно». Потому что «не бесконечно» — это был срок, а поедет — это уже было решение. И приняла она его не сейчас, а гораздо раньше, может быть, ещё в тот вечер, когда увидела его в мигающем свете у подъезда и пошла, куда ведут.

Он позвонил через день, в восемь вечера. Она села на ди-

ван, поджав ноги, как садятся на длинный разговор.

— Привет.

— Привет, — сказала она. — Слушаю.

— Ты чего так официально? — Он вздохнул. — Я с машины звоню. У меня тут сервис, машина встала. Без звука, всё закрыто, пока туда-сюда, пока разберут. Так что я сейчас сижу в сервисе и разговариваю с тобой. Мне тут час сидеть.

— Понятно.

— Ну. Так вот. Я не хочу ругаться. Я хочу понять. Что происходит?

— Ничего не происходит, Василий. Я просто не понимаю, куда мы идём.

— Я тебе объяснил, куда я иду. Я иду к семье. Мне не пятнадцать, я не хочу писать смски. Я хочу рядом человека.

Она хотела спросить, к какой семье он идёт. И не спросила, потому что ответ был бы про его детей, а не про неё. Про себя она в этом «к семье» не помещалась — и вместо того чтобы спросить, просто сдвинулась в сторону.

— И давно ты этого хочешь?

— Я этого хотел всегда. Я тебе больше скажу: если бы мне не было интересно, я бы вообще не стал с тобой это начинать. Я бы не рассмотрел девочку, которая живёт за три часа от меня, если бы у меня не было интереса. Мне такую дорогу ездить каждый раз ради переписки? Нет.

— Я не заставляла тебя ездить.

— Не заставляла. Но и не помогала.

Она проглотила. Проглотила — и даже не заметила, что проглотила: слова были правильные, тон был усталый, и он ведь действительно сидел в сервисе, ради неё остался в телефоне.

— Алиса, давай я спрошу прямо. Ты вообще ко мне хочешь?

— Хочу. Дело не в этом.

— В чём тогда?

Она вздохнула и нашла в себе силы.

— Дело в том, что я тебя поняла. Ты хочешь, чтобы я приезжала к тебе. В недостроенный дом, где пыль, где нет ни одной комнаты, в которую можно закрыться. Или чтобы ты приезжал ко мне. Но ты не можешь приехать ко мне на несколько дней, у тебя работа, дети, стройка. Значит, остаётся, чтобы я приезжала к тебе. И жила у тебя. С твоими детьми. У тебя дома. В котором идёт ремонт. Василий, я не готова. Я даже не знаю тебя несколько месяцев, мы виделись четыре раза.

— Пять.

— Четыре, — сказала она спокойно. — Я считала.

Он замолчал.

— Ладно. И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю идти постепенно. Я так всегда жила и так у меня получается. Я не могу в отношениях нырять с головой. Я медленная. Но я — серьёзная. И если я серьёзная — значит, мне нужна постепенность.

Он вздохнул в трубку, тяжело, как усталый человек.

— Постепенность. И как это выглядит, постепенность твоя?

— Ну, есть же разные варианты. Можно встречаться где-нибудь. На нейтральной территории.

— На нейтральной территории, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — А что это такое, нейтральная территория?

— Это не частная собственность, — сказала Алиса и сама услышала, как это звучит по-учительски, и не стала себя останавливать. — Это парки, кафе, какие-то мероприятия. Что-то общественное. Мы можем гулять. Я могу тоже куда-то приезжать.

— То есть ты готова встать в шесть утра, проехать два часа, погулять со мной по Москве два часа и вернуться?

— Почему бы и нет.

Она впервые за весь разговор сказала «да» и сразу поняла, что соврала.

Он засмеялся. Не зло, коротко.

— Алиса, ты правда так думаешь? Ты правда думаешь, что мужик едет два часа, чтобы два часа погулять по парку, и потом едет два часа обратно? По парку я могу и один походить. Я с тобой хочу жить, а не скворечники смотреть.

— Тогда я не понимаю, — сказала она. — Ты хочешь, чтобы мы жили вместе. Я говорю — давай к этому идти постепенно. Ты говоришь — нет, надо сразу.

— Я не говорю «сразу». Я говорю, что нельзя так, что мы видимся два раза в месяц. Это не отношения.

— Хорошо. Тогда давай поговорим про конкретное. Твои дети живут с тобой?

— Нет.

— Но бывают. Ты в прошлый раз забрал трёх. На сколько?

— Ну, на выходные.

— Значит, когда я приеду к тебе, там будут твои дети.

— А что, они тебе мешают?

— Они мне не мешают, — сказала Алиса терпеливо. — Я говорю о том, что я приеду не к тебе в дом. Я приеду к тебе в дом, где живут твои дети, которых я не знаю, и у которых есть мама, которая про меня не знает. Я не готова к этому. Я не могу вот так просто приехать к мужчине и жить с его детьми.

— То есть ты хочешь, чтобы я тебя прятал?

— Я хочу, чтобы мы шли по шагам.

Она хотела сказать, что боится. И сказала, что говорит про шаги.

Он молчал долго. В трубке было слышно, как кто-то в сервисе крикнул другому, и как лязгнуло железо.

— Давай так, — сказал он наконец. — Я тебе сейчас скажу, как я вижу. Или мы договариваемся, что мы вместе, и начинаем жить как вместе — я приезжаю, ты приезжаешь, мы считаем время не в визитах, а в жизни. Или так и будем переписываться. Мне, честно, второе не надо. Я в друзьях не

нуждаюсь.

— При чём здесь друзья?

— А при том. Ты вот сейчас меня куда ставишь? Если мы встречаемся раз в две недели и не живём вместе, это что? Это дружба. Значит, ты будешь общаться с другими мужчинами, а я буду общаться с другими женщинами. И что это? Я не хочу.

— Василий, я не сказала, что буду с кем-то ещё общаться.

— Я не про тебя. Я про то, что это не отношения. Если ты не хочешь со мной быть, скажи прямо. Я пойму и не буду больше тебя мучить. Правда.

— Я не говорила, что не хочу.

— А что ты говоришь?

— Я говорю: давай медленно.

— Значит, дружить.

— Я не говорила «дружить»!

— Хорошо. — Он выдохнул. — Давай так. У меня в голове одно, у тебя другое. Мы оба взрослые. Я тебе сказал, чего хочу. Ты мне сказала, что за этим следуешь. Значит, надо решить. Я тебе дам слово, что я не буду ни на чём настаивать. Мне даже думать не надо, я всё определил. Тебе надо подумать — думай. Но я хочу ответ.

— Мне нужно время.

— Сколько?

— Не знаю. Неделю.

Она назвала неделю, потому что надо было назвать что-

то. Она не знала, что ей нужна неделя. На самом деле она уже всё решила — там, в сервисе, пока он говорил про «считать время не в визитах». Неделя была нужна не для решения. Неделя была нужна, чтобы привыкнуть к тому, что решение принято.

— Хорошо. Неделю.

Он помолчал ещё, и потом голос у него стал другим, мягче, и от этого стало только хуже.

— Я тебя не пугаю, Алиса. Я не собираюсь тебя терять из-за того, что мне в машине какой-то фильтр поменяли. Мы взрослые люди, мы разговариваем. Так что давай так: если ты готова к конкретному шагу — говоришь, и я приеду в тот же день. А не готова — так и скажи, я не буду ничего.

— Я поняла.

Она поняла две разные вещи сразу: что он от неё хочет и что она этого не хочет. И что второе ей придётся объяснять ещё раз, с начала.

— Ну ладно тогда. Хорошего вечера тебе. Целую, обнимаю. На связи.

Он сбросил первым.

Она ещё долго сидела так, с поджатыми ногами. Потом попробовала их разогнуть — они затекли.

И подумала, что за весь разговор он ни разу не сказал «принцесса». И сказала себе, что это ерунда.

За стеной у соседей играло что-то по телевизору. На кухне в вазе стояли белые розы, которые он прислал перед Ка-

занью, и они уже начали опускаться, лепестки чернели по краям, и она всё собиралась их выбросить, и всё не выбрасывала.

Она подумала: он хороший. Он просто хочет, чтобы был человек рядом. Ему трудно, у него трое детей, кредиты, стройка, бывшая, которая не помогает. Она перечислила это про себя его словами, по порядку, как он их всегда перечислял. Она тоже не подарок в этой истории. Она тоже ему не даёт ничего, кроме переписки и двух свиданий. Свиданий было два. Она виделась с ним четыре раза, но свиданий было два. Он прав, и в том, что он прав, было особенно неприятно.

Она подумала: он хороший, и представила — а что если и правда, вот так, взять и поехать. Взять и поехать к нему, посмотреть, как он разговаривает с дочками, как ест, как устаёт. Узнать его. Может, это и есть то, чего она ждёт, а она просто боится.

Она подумала: он хороший, и это было в её жизни главное слово, которое она повторяла. Хороший, потому что ни разу не сказал ей грубо. Хороший, потому что не полез к ней в первую же встречу. Хороший, потому что ваза. Хороший, потому что «ты его увидела первая».

Лариса бы сказала: «Тебе пятнадцать? Он тебе что, задачу решает?» Но Ларисы рядом не было, был только телефон и увядшие розы. Телефон был. Она не позвонила.

Она встала, пошла на кухню, вынула розы из вазы. Стебли были скользкие, вода мутная и пахла. Она вылила воду в

раковину и выбросила цветы. Вазу помыла и поставила обратно на полку. Пустую.

На секунду стало легче. Потом стало хуже.

Розы она выбросила. Карточку оставила. Она лежала в книге, на той странице, где Алиса остановилась. И Алиса подумала: розы можно выбросить, а бумажку нельзя. Бумажка не портится.

***

Она не ответила ему ни на следующий день, ни через день. Он тоже молчал. Два дня она не писала и два дня не получала.

Ей надо было подумать, но думать не получалось, потому что думала она всё об одном: он хороший, он хороший, он хороший. Мысль ходила по кругу и не находила выхода, как ученик, который не понял тему и делает вид, что решает.

Она перечитала его письмо про «это не отношения, это переписка». И в этот раз оно показалось ей честным.

На третий день он написал сам.

«Алиса, я вот тут подумал. Я был резок. Извини. Я с машиной нанервничался, устал, наговорил лишнего. Не надо мне было про это вообще говорить, когда ты не готова».

Она сидела на перемене, смотрела в телефон и улыбалась так, что пришлось отвернуться к окну. Дети бегали по коридору, кто-то звал её из-за двери. Она перечитала сообщение.

Внутри потеплело. Мужчина, который сам себя первый извиняет, — это редкость, это вообще ни с кем не было, что-

бы она вот так просто получила извинения. Она попробовала вспомнить, сколько раз перед ней извинялись взрослые мужчины. Получилось ноль.

«Спасибо, что написал», — ответила она.

«Ты мне дорога, чтобы я из-за ерунды что-то терял. Ты не думай, что я тебя тороплю. Ты думай сколько надо».

Она опять выдохнула. В прошлый раз было так же.

Весь день она ходила лёгкая. Вечером он позвонил, они поговорили про школу, про то, что у неё в классе мальчик принёс хомяка и хомяк убежал. Он смеялся. Он был тот самый, прежний.

Она вспомнила, что он тоже не писал. Два дня она не писала и два дня не получала от него никаких вестей. И сразу сказала себе, что это ерунда, у него сервис, работа.

А на следующий день около четырёх, когда она сидела в учительской и правила тетради, позвонили. Вахтерша вызвала её к входу.

Она не поняла сначала, зачем. Спустилась и возле вахтерши увидела курьера.

— Вам.

Коробка конфет. Большая, красивая, в тёмной бумаге. И рядом — контейнер. Пакет, из которого несло так, что Алиса, стоя в холле, почувствовала, как у неё заболел живот от одного запаха.

Она раскрыла контейнеры. Внутри был обед. Горячий. Первое, второе, салат, всё отдельно, аккуратно. Из рестора-

на, судя по всему, потому что дома так не пакуют. Значит, кто-то другой варил. Он только заплатил.

Сверху лежала ложка в пакетике. Пластиковая, одноразовая. И почему-то именно от неё Алисе стало хуже всего.

Он не предупредил. Иначе она бы сказала «не надо». И тогда пришлось бы объяснять, почему не надо.

Вахтерша смотрела на неё и на конфеты и ничего не сказала, но Алиса поняла, что та всё поняла.

Она стояла в школьном холле с коробкой конфет и обедом в руках. Подумала, что это надо куда-то деть, и не придумала куда.

И поискала карточку. Карточки не было.

«Василий, что это?»

Она поставила контейнер на подоконник — руки были заняты, а писать надо.

«Это обед. Ты будешь сегодня нормально есть или опять бутерброд?»

Она засмеялась. И оглянулась. Смеётся в школьном холле, рядом с вахтёршей, которая на неё смотрела очень внимательно.

«Спасибо».

«Не за что. Ешь. И конфеты не съешь сама, отнеси на работу девочкам, так правильнее».

Она прочитала: «правильнее». И подумала, что он прав.

Она отнесла. В учительской коробку растащили за десять минут. Она не взяла ни одной. Она и так не очень любила

конфеты, но дело было не в этом.

Лариса отставила чашку и взяла две.

— Это что?

— Это он.

— Через курьера?

— Через курьера.

— Смотри: мягко стелит, жёстко падать. Хотя жест красивый. Но всё же держи ухо в остро, чтоб знал, с какой бабой связался.

Обед Алиса съела. Было вкусно, и она злилась на себя за то, что вкусно.

А когда она проходила мимо вахты, вахтёрша сказала:

— Хороший у вас мужчина.

И Алиса кивнула.

Дома она разогрела ужин, который сама себе купила в субботу, и ела его и вспоминала обед.

Было тепло от того, что кто-то подумал про неё, что она голодная, и что этот кто-то был как заботливый родитель. Она подумала: «как родитель». И сразу подумала, что это хорошо. Так надёжнее.

Цветы. Опять цветы. Она не успевала их выбрасывать. Один раз — шарф, тёмно-синий, в цвет той самой куртки, которую она надевала. Он каким-то образом запомнил. Один раз было лекарство — незнакомое, но хорошее, дорогое: «У тебя тут насморк был, я слышал. Ну и вот. Профилактика». Один раз — сертификат в салон, и это ей понравилось мень-

ше всего, потому что она никогда не ходила в салоны. Но она пошла. Ей сказали лечь и расслабиться. Она лежала и думала, что могла бы сама себе это купить. И ей сделали массаж, и понравилось.

Лариса сказала про сертификат: «Ты ему что, кукла?» Алиса ответила, что это приятно, когда о тебе думают.

Когда подарки шли ровно, она перестала их считать. Когда каждый день-два что-то приходило, она принимала это как норму. Это перестало быть событиями. Она перестала радоваться каждому, как радовалась первому.

Встречи она считала. Сообщения считала. Подарки — перестала.

Она попробовала вспомнить, о чём они говорили за эти недели. Вспомнила хомяка. И всё.

Ей было хорошо. Она ждала. Она уже не проверяла телефон так часто — она знала, что он напишет. Она стала сама первая писать ему нежные вещи и не задумывалась, отвечает ли он тем же.

Он отвечал теплом на тепло. «Спасибо, солнышко». «Ну ты у меня». «Хорошо, что ты есть».

Ни в одном из этих слов не было её имени.

Но «красавица» теперь пришло не утром. Оно пришло в случайный день, в полдень, в среду, как будто он вдруг вспомнил: а, точно, я же должен сказать. И потом не приходило ещё три дня.

Она не помнила, когда он последний раз говорил «моя чу-

десная».

Через десять дней он позвонил.

— Принцесса, у меня к тебе предложение. Давай ты приедешь в Москву. На один день. Встретимся, погуляем, покажу тебе город. Ты никогда там не была толком?

— Была. Один раз, в детстве.

— Ну вот значит, не была. Приезжай. Электричкой, тут удобно. Я тебя встречу на вокзале.

Она стояла у окна и смотрела, как во дворе кто-то выгуливает собаку. Потом открыла расписание электричек.

Она подумала, что он прав. Она действительно никогда не была в Москве толком. И что она его уже давно не видела, только по телефону. И что «на один день» — это же совсем немного. Один день. Туда и обратно.

Она не заметила, как это «немного» стало её аргументом.

«Хорошо», — написала она. «Я приеду в субботу».

«Хорошо. Не проспи».

***

В субботу она встала в шесть.

Собралась так, как не собиралась с института: помыла голову, высушила не наспех, а феном и расчёской, с какой-то пенкой для объёма, которую купила вчера в магазине специально и которую потом выбросит через год открытой. Надела джинсы и свитер, потому что в Москве наверняка холоднее. Под свитер — тонкую футболку, на всякий случай. Взяла сумку: кошелёк, телефон, помаду и ещё одну кофту. Про

еду в дорогу она не подумала.

Она проверила, хватит ли на обратную электричку. Хватало. И проверила ещё раз, уже в вагоне.

На электричку садилась со странным чувством, будто делает что-то запретное. Она села у окна и поняла, что держится за сумку, как в автобусе в детстве.

Может, потому что Лариса в пятницу сказала:

— Ты куда собралась? К нему? Алиса.

Лариса разбирала тетради и не подняла головы.

— В Москву. На день.

— На день.

— На день. Я возвращаюсь вечером.

— Хорошо, — сказала Лариса и больше ничего не сказала.

Электричка «Ласточка» шла быстро, по расписанию. За окном менялось всё: сначала знакомые подмосковные платформы, потом дома всё выше, потом серые стены и трубы, потом вдруг Москва. Алиса искала в окне ту самую Красную площадь, но Москва оказалась не такой, как в детстве. Она прилипла к стеклу, как школьница на экскурсии, и не заметила, как стала искать глазами кого-то на перроне.

Она была в Москве второй раз в жизни.

На перроне было душно и людно. Поток вынес её на платформу, и она остановилась, чтобы никого не толкнуть. Стояла, держа сумку двумя руками, оглядываясь, как оглядывается человек, у которого нет привычки быть в чужих горо-

дах.

И увидела его сразу.

Он стоял у колонны, в пальто, с телефоном в руке, и улыбался ей издалека. Она пошла к нему, и с каждым шагом ей становилось всё легче и легче.

— Принцесса.

Он обнял её. Крепко, на секунду, ничего не сказал. От него пахло тем же, что и всегда, — не парфюм, а что-то своё, чистое. Она не ожидала, что ей будет так хорошо от этих рук.

Он не сказал ей «Алиса». Он сказал «принцесса» — и это значило, что разговор начинается с того места, где его оставили.

— Как доехала?

— Хорошо.

— Холодно было?

— Немного.

— Я тебе говорил, у нас тут осень. Хочешь кофе?

Он повёл её к машине. Та же чёрная, та же чистая. Алиса села и снова это почувствовала — как будто ты в комнате, а не в машине. Он закрыл дверь, и стало тихо, и весь вокзальный гул остался снаружи, за стеклом, будто его выключили. Она положила сумку на колени и только теперь разжала руки.

Он привёз её куда-то, где были белые стены, лампы на длинных шнурах и много окон. Она не запомнила названия.

Они ели. Он опять заказал и себе и ей, не спрашивая, ей

это даже нравилось — ей никогда не надо было выбирать, он всегда решал. Она не поняла, что это было, но было вкусно.

Она полезла за кошельком, и он посмотрел на неё так, что она убрала руку. И это ей понравилось больше, чем не понравилось.

— Ну как тебе Москва?

— Много людей.

— Это да. Я, знаешь, за что её люблю? За то, что тут можно исчезнуть. Тут тебя никто не найдёт, если ты сам не захочешь.

Она кивнула и согласилась, что это замечательно.

Они гуляли. Он водил её по улицам, показывал, говорил про дома, про то, что тут было раньше, про какие-то свои места. Несколько раз они заходили в кафе, потому что он всё время хотел её кормить. Один раз заходили смотреть на что-то, что она не запомнила.

Она замёрзла и засунула руки в карманы. Был вечер, горели витрины.

— Ты счастливая сейчас?

— Да.

— Хорошо, — сказал он просто.

И она поняла, что это был не вопрос, а проверка. Ей это даже понравилось: значит, он тоже следит, что с ней происходит.

И она поняла, что это был не вопрос, а проверка. Ей это даже понравилось: значит, он тоже следит, что с ней проис-

ходит. Она была в Москве второй раз в жизни, и этот раз не был похож на тот. Хотя город был тот же.

Они зашли в последнее кафе уже поздно. Она посмотрела на телефон и подняла брови: она как-то пропустила время. Он посмотрел тоже.

— О, — сказал он. — Ушла последняя?

— Что последняя?

— Электричка.

Он сказал «последняя» раньше, чем она успела открыть приложение.

Алиса открыла его и посмотрела. Последняя электричка, которая шла до Твери и на которой она могла вернуться, ушла в двадцать три сорок восемь. Было без десяти двенадцать. Уже ушла.

Она подняла на него глаза.

— Она ушла.

— Да. Я, честно, сам не заметил. Я думал, у тебя тут что-то до часу есть.

Она не поняла, специально он или нет.

Она сидела и молчала. Подумала про такси и поняла, что не знает, сколько у неё на карте.

— Ты не переживай, — сказал он спокойно. — Это ерунда. Тут рядом есть хостел.

— Хостел?

— Ну а куда ты поедешь в двенадцать ночи. Это опасно, и вообще. Я тебе сниму.

— Я поеду на такси.

— Алиса, у тебя это восемь тысяч будет. Зачем. Хостел — это триста рублей койка, чисто, я знаю это место, я там останавливался, когда у меня машина в сервисе стояла.

Он вышел, позвонил, вернулся.

— Всё, есть место. Тут двадцать минут. Койка, как я тебе и сказал. Ничего шикарного, но чисто, тебе хватит на шесть часов.

Она поехала с ним. Он отвёз её, довёл до двери, зашёл внутрь, посмотрел комнату. Ей было приятно, что он зашёл первым. Так делают, когда о тебе заботятся. Она не заметила, что вошла второй.

Комната была обычная — там стояло четыре койки, и на одной из них уже спал какой-то мужчина, судя по ботинкам. Она увидела это и остановилась.

— Тут мужчина.

Он заглянул.

— А, да. Ну а где ты в триста рублей хочешь отдельную? Это хостел. Ты не бойся, это обычное дело, там все с дороги, все спят.

Он сказал «обычное дело» так, как будто это правда. И от этого ей стало спокойнее.

— Василий.

— Что?

— Я не хочу.

Он посмотрел на неё. И потом — она видела это по лицу

— принял решение, и то решение, которое ей понравилось.

— Ладно. Пойдём, поищем отдельную. Тут за углом вроде был один нормальный, но он дороже. Ты не против?

— Не против.

Она уже сама не понимала, чего она не хочет — комнаты с чужим мужчиной или того, чтобы он подумал, что она привередливая. Но переспрашивать было поздно, и она пошла за ним.

Он нашёл. Отдельный номер, маленький, с одной кроватью, с полотенцами и с душем на этаже. Он заплатил и отдал ей ключ.

— Вот. Запирайся изнутри.

Он развернул её телефон в своих руках, показал дорогу до вокзала и проверил, что она запомнила:

— Повтори.

— Налево до угла, потом прямо.

— Молодец.

Голос у него был такой, будто он провожает дочку в школу. Спокойный, заботливый, чужой.

Он поцеловал её в краешек губ, чуть прижав к стене. Переместил поцелуй на бровь, на мочку уха, вернулся к другому уголку губ, а после остановился. Чуть хриплым голосом попрощался:

— Ну, спокойной ночи, принцесса. Не проспи.

Она стояла и ждала, что он попросит остаться. Он не попросил.

Ей бы сказать сейчас: останься. Одно слово. Или спросить: ты придёшь завтра утром? Ни того, ни другого она не сказала — смотрела, как он идёт к лестнице, как оглядывается на повороте, как улыбается последний раз.

И уехал.

Она легла на кровать одетая. Она не плакала. Лежала и смотрела в потолок, и в голове у неё была одна мысль, которая никак не укладывалась: почему он так спокойно это сделал. Почему так спокойно сказал, что последняя электричка ушла. Почему не пошутил.

Почему у него был уже готов хостел.

Мысль была как заноза: не больно, пока не тронешь. А она трогала — и трогала, и трогала, и от этого становилось только хуже.

В сумке лежал билет на двадцать два пятнадцать. Он ей больше не был нужен, но она его не выбросила.

Она поймала себя на том, что начинает себя укорять. Он же тебя не тронул, он же тебя не обидел, он просто не стал тебя трогать, и вот ты из-за этого теперь придумываешь. Это же очень порядочно. Это же именно то, что ты, Алиса, хотела.

И она уснула. Быстро, как ребёнок.

Утром встала, умылась, вышла на холодную улицу и, как ей и сказали, дошла до вокзала. Шла и проверяла дорогу по памяти: налево до угла, потом прямо. Всё совпало. Она даже немного обрадовалась — вот, оказывается, ничего страшно-

го, когда тебе показывают, куда идти.

В электричке она сидела у окна. Те же платформы, те же трубы, те же дома, только всё меньше и меньше. Москва уходила. Алиса не оборачивалась. И улыбалась. Просто улыбалась, и одна женщина напротив даже спросила:

— Девушка, вам плохо?

— Нет, — сказала Алиса. — Мне хорошо.

Она ехала домой и ждала следующей встречи. Как ждала всю неделю.

И только у Твери она снова подумала: а почему хостел-то был готов.

В телефоне лежало: «Доехала? Напиши, как будешь дома. Спасибо за вчера. Ты классная».

***

Следующая встреча сорвалась.

Он написал в пятницу: «Алиса, я в Калугу уезжаю, заказ срочный. С воскресенья по среду».

Она прочитала и положила телефон экраном вниз, как в кафе.

«Хорошо».

Она не спросила, что за заказ. Не спросила, надолго ли. Она уже знала это «хорошо» наизусть — оно у неё было заготовлено, как домашнее задание, которое делают не думая.

В понедельник он позвонил в обед. Она вышла в коридор, потому что в учительской были люди.

— Принцесса. Слушай. Ты на работе?

— На работе.

— У меня тут график сдвинулся. Я в среду освобожусь, в четверг у меня вообще пусто, в пятницу тоже. Ты не поверишь — мне дали два дня среди недели.

— И?

— И я приеду. В четверг утром. Побуду до пятницы. У тебя уроки во сколько?

— У меня в четверг семь уроков.

— Ну вот. Ты отучишься, я тебя встречу. А в четверг вечером — куда хочешь.

Она стояла в коридоре и не знала, что сказать. Она уже привыкла, что он не приезжает. Она уже привыкла, что всё срывается. Она перестала ждать к субботе. И перестала думать, что это странно.

«Куда хочешь» — это было не про неё. Она никогда ничего не хотела вслух.

И тут — приедет. Среди недели. Сам.

— Ты правда приедешь?

— Обижаешь.

От Москвы до Твери два часа на «Ласточке». Она проверяла. Он об этом знал.

Она вернулась в учительскую и на доске для расписания, где висели замены на неделю, посмотрела четверг. Семь уроков, шестым — её класс. До конца дня она каждый раз, заходя в учительскую, косилась на этот листок. Как будто боялась, что часы переедут.

Он приехал в четверг, как и обещал, к шестому уроку. Она не написала ему про окно. Она хотела посмотреть, что он будет делать.

Она вышла на окно в рекреации и посмотрела вниз. На площади у школы ходил мужчина в пальто и курил. Ходил вдоль газона, туда и обратно, и смотрел на окна. Она не сразу поняла, что это он.

— Ты куришь?

— Иногда. Если нервничаю.

— Почему ты нервничаешь?

— Потому что жду тебя на площади у школы, как школьник. Все тётки в окна смотрят.

Она засмеялась. Он опять решил за неё — где встретить, куда пойти, что она захочет.

До дома они ехали на автобусе. Он не поехал на машине. Оставил её на стоянке у вокзала, потому что во дворе негде было ставить. Не гость с машиной, а человек, который едет на автобусе с работы, как все.

В автобусе он держался за поручень над её головой, и она всю дорогу смотрела на его руку. Так возят домой. Так возвращаются домой вместе. Она поймала себя на том, что ей хочется, чтобы кто-нибудь из школы их увидел.

Дома она поставила чайник. Он сел на табурет, посмотрел на её кухню и сказал:

— Ну рассказывай, как твой день. И не говори «нормально».

И она стала рассказывать. Про девочку из седьмого класса, которая решает лучше всех, но врёт, что не решает, потому что если она решает, её дразнят. Про то, что директриса опять заговорила про начальные классы. Про то, что Петров влюбился в одноклассницу и перестал делать вообще всё.

Он слушал. Он задавал вопросы не те, которые задают, чтобы отвязаться, а настоящие. Он спрашивал: «А почему она врёт, что не решает? Она что, хочет быть как все?» И она объясняла, и это было интересно, и это было легко. Она говорила и слышала себя умной.

Она говорила, наверное, час, и чайник вскипел дважды, и она оба раза про него забыла. Никто её так не слушал — не из вежливости, не пережидая, пока она закончит, чтобы сказать своё. Он слушал так, будто она рассказывает что-то важное, и от этого её день, обычный её день, с проверкой тетрадей и опоздавшим звонком, становился важным.

В четверг они просидели до ночи за маленьким столом на кухне. В какой-то момент он нежно взял её за руку и притянул к себе, давая понять, чтобы она села ему на колени. Она села. Было странно, будто переходит какую-то черту. Табурет под ним скрипнул, а её колени оказались выше его, и она не знала, куда девать руки, и положила их ему на плечи, как в танце. Он был тёплый и твёрдый под руками. Плечи широкие, рубашка на спине натянута, и она вдруг остро поняла его размер — не глазами, а ладонями, через ткань, как будто до этого он был картинкой, а теперь стал человеком, который

занимает место в её кухне.

И ей стало неловко от того, как сильно ей это нравится.

Он поцеловал её привычно не в губы, покрывая нежными поцелуями лицо, плечи, шею. За ухом у неё было холодно от его дыхания, и она поймала себя на том, что наклоняет голову сама, чтобы ему было удобнее. Его рука легла ей на затылок — не держала, просто легла, тяжёлая и спокойная, — и от этого она перестала понимать, куда деть глаза. Он целовал горло, и она почувствовала, как голос у неё ушёл куда-то вниз, в живот, и там остался.

Он приступил к губам — сначала мягко, едва касаясь, и она почувствовала, что у неё пересохло во рту и что это неловко, хотела отстраниться, чтобы глотнуть, а он в этот момент прижал её крепче, и она ответила, и он поцеловал страстно, рьяно, прижимая к себе.

Его руки шли по её телу сверху вниз, не торопясь, как будто он знал, где остановиться, чтобы она успела захотеть продолжения. Он провёл ладонями по спине, по бокам, и там, где он останавливался, кожа оставалась горячей, а рядом — холодной, и она поняла, что вся состоит из этих мест. Он взял её за бёдра и подвинул к себе ближе, так что она села плотнее, и она почувствовала через джинсы, что он уже готов, и это было не страшно и почему-то приятно знать.

Она не сопротивлялась. И в какой-то момент подумала, что наверное ей надо ответить тем же и снять с него рубашку. Она расстегнула две пуговицы. Он остановился, выждал

момент, помог ей освободить его из рукавов и, подхватив её, отнёс в комнату.

Он снял с неё свитер через голову и на секунду задержал его на её лице, так что она ничего не видела. Потом положил её на кровать и сам разделся — быстро, без суеты, как будто это было не в первый раз, и это её почему-то успокоило.

При свете лампы ей казалось, что она полновата, и она ждала, что он что-то скажет на это. Он не сказал ничего про её тело. Ни плохого, ни хорошего. Он лёг так, что придавил её, и от тяжести ей стало легче.

Он не спрашивал. Он понял сам.

Он трогал её долго — так долго, что ей стало неловко от собственного нетерпения. Он провёл рукой по животу, ниже, и она вздрогнула и хотела свести колени, а он не дал, не силой, просто положил ладонь на колено и подождал, и она развела их сама. И это было самое странное в этом вечере: она всё делала сама, а казалось, что её ведут.

Потом он вошёл в неё.

Она ждала боли и не дождалась. Было тесно и горячо, и сначала слишком много всего сразу, и она подумала, что сейчас скажет ему подождать, но не сказала. А потом он двинулся, и мысль ушла. Не разлетелась, не рассыпалась — просто ушла, как будто её выключили, и осталось только тело, которое вдруг стало одним целым и знало, что делать.

Ей было хорошо. Не так, как в книжках, где всё сразу, — сначала просто хорошо и непривычно, а потом лучше, и она

не заметила, когда это «лучше» стало таким, что она перестала слышать, как скрипит кровать. Она держалась за его плечи, потом за простыню, потом опять за плечи, и в какой-то момент услышала свой собственный голос и не узнала его.

И только где-то на середине, в этой горячей пустоте, она вспомнила: он не предохранялся. Ничего не спросил, ничего не сказал. И она ничего не сказала. Мысль пришла и ушла — места для неё не было, а потом уже стало поздно, а потом уже всё равно.

Он кончил и в последний момент вышел из неё. Она почувствовала, как он дёрнулся и как легло на живот — тёплое, чужое, липкое. Он тяжело дышал ей в шею, а она лежала и смотрела в потолок и почему-то не могла пошевелить рукой.

Потом он лежал на ней, тяжёлый, и не сразу слез, и она держала руку у него на спине, как держала сумку в электричке двумя руками.

— Извини, — сказал он, не поднимая головы. — Не успел.

— Ничего, — сказала она.

И только потом, глядя в потолок, она подумала: он не спросил. И всё получилось.

Она лежала и разбирала это слово — «получилось». Как будто само. Как будто у него не было ни автора, ни рук, ни того, кто сказал «не успел» и остался лежать сверху, тяжёлый и довольный.

— Алиса, — сказал он тихо.

Не «принцесса».

Она не сразу поняла, почему ей от этого стало не по себе. Он назвал её по имени ровно тогда, когда надо было назвать по-настоящему, — и она вдруг услышала, как звучит её имя в его голосе: не как обращение, а как просьба о снисхождении.

В душ он с ней не пошёл, только после. Когда она проходила мимо он игриво шлёпнул по попе. После они легли в объятиях и быстро уснули.

Утром она проснулась первой. Лежала, слушала, как он дышит, и боялась пошевелиться, чтобы не разбудить. Кухня была в двух шагах. Она так и не встала.

В пятницу он днём ушёл «по делам» — она так и не поняла, по каким: «У меня тут есть один человек, надо заехать». Она не спросила, кто. Она даже не подумала спросить. И вернулся к шести с сумкой еды.

Готовили вместе. Он резал неаккуратно, крупно, и она его не поправляла, потому что он был большой и смешной с ножом. Они ели на её маленькой кухне, и было тесно, и от этой тесноты было хорошо.

Вечером она сидела в зале и проверяла тетради. Он сидел рядом, в кресле, которое она купила год назад одна, и смотрел какие-то видео в телефоне с одним наушником, чтобы не мешать.

— Ты долго ещё?

— Ещё минут сорок.

— Сорок минут.

— Ну да.

Он помолчал.

— Слушай. Я вот смотрю на это всё и думаю.

— Что?

— Мы с тобой как живём. Я приехал в четверг, я в пятницу. Это два дня. Из них ты полтора дня в школе, а вечерами ты проверяешь тетради. Я тут сижу в кресле и смотрю, как ты работаешь. Это, знаешь, не сильно похоже на то, как я себе это представлял.

Алиса положила ручку.

— А как ты себе это представлял?

— Ну, не так. Я себе представлял, что я приеду, и мы будем вместе. А мы не вместе. Ты через сорок минут освободишься, и у тебя глаза красные, и ты уставшая, и я тебя даже трогать не буду, потому что тебе надо спать. — Он вздохнул. — Ты не сердись.

— Я не сержусь.

— Я знаю, что ты не сердишься. Ты никогда не сердишься. Ты терпишь.

Она посмотрела на него.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что мы теряем время. Вот я приехал на два дня. Из них — один рабочий день у тебя, и один день у меня рабочий, потому что мне надо было в Купавну заехать. Итого у нас с тобой — вчерашний вечер и сегодняшний вечер. Это два вечера. За два вечера человек не узнаётся.

— Так устроено, — сказала она. — У меня работа, у тебя работа.

— Да. Устроено. А можно устроить иначе.

Она уже поняла, что будет дальше, ещё до того, как он это сказал. Она ждала этого и всё это время уговаривала себя, что это не так.

— Можно как-то так сделать, — сказал он, — чтобы ты зашла ко мне днём. Просто днём, Алиса. Без ночи, без ничего. Просто приехала, побыли вместе, я тебя потом привёл на электричку. Или я к тебе заеду днём. Вот как сегодня.

— Ты не можешь заехать днём.

— Я вчера в Купавну ездил. Мог бы вместо этого в Тверь. Я просто не знал, что так можно.

— Василий.

— Что?

— Дело не в этом.

Он посмотрел на неё.

— А в чём?

— В том, что если ты будешь заезжать днём, то это будет так. Днями. А потом ещё. А потом ещё. И я не буду понимать, что у меня происходит.

— А что, должно быть понятно?

— Мне — да.

Он замолчал. Потом встал, налил себе воды. Он стоял к ней спиной, и она смотрела на его спину и на то, как аккуратно он ставит стакан на стол — не стучит, ничего не про-

ливает. Так спокойно, что ей самой стало казаться, будто она наговорила лишнего.

— Алиса, я тебе вопрос задал: ты ко мне хочешь или нет?

— Хочу.

— Ну вот. Тогда чего ты боишься?

Она смотрела на свои тетради.

— Я не боюсь.

— Боишься. Ты боишься, что тебя обманут. Я тебя понимаю, я тоже разведён, у меня тоже прошлое. Но я тебе два месяца каждый день пишу. Я тебе цветы вожу курьерами, чтобы ты утром встала и вспомнила, что тебя кто-то любит. Я из Калуги тебе писал. И вот я тут, в твоей кухне, резал лук. Я тебе не чужой. И я тебя прошу об одном: зайди ко мне днём. Не ночевать. Днём.

Обманут. Она ни разу не думала про обман. Она думала про то, что не понимает, что с ней происходит.

И вот это было самое неприятное: он говорил ей про обман, а она не могла ему объяснить, что обмана она не боится. Она боится, что однажды не сможет понять, где кончается её день и начинается его. Про такое не говорят вслух, потому что это не звучит как страх. Это звучит как каприз.

Она посмотрела на тетради. Две стопки, на первой — листок с закладкой. Она вдруг вспомнила, что не поставила сегодня оценки в журнал и завтра утром надо будет вписать их до уроков, и удивилась, что это вспомнилось сейчас.

— Ты не боишься, — сказал он вдруг. — Ты просто меня

не любишь. Вот и всё. Скажи это, я не обижусь.

— Я тебя люблю.

— Тогда почему ты не хочешь зайти ко мне днём?

— Потому что это не одно и то же.

— Почему?

— Потому что зайти днём — это не про любовь. Это про то, что у меня не останется своего дня.

Он долго смотрел на неё.

— Ну вот и я говорю: оказывается, можно.

Она не поняла, о чём он. А потом поняла: это он про Купавну. Про то, что можно было вместо Купавны поехать в Тверь.

От этого ей стало смешно, и она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ, и она поняла, что они сейчас не разговаривают, а снова договариваются о чём-то, и что она не знает, о чём именно.

Она сидела и думала.

Он прав. Почему она не может просто заехать к нему днём. Разве это плохо, разве он просит что-то плохое. Она довольно долго одна, и вот мужчина, который каждый день бьётся в её дверь, ищет её, а она придумывает.

Если она не может даже просто зайти к нему днём, то зачем она вообще всё это делала.

— Хорошо, — сказала она.

Он поднял голову.

— Что?

— Хорошо. Я как-нибудь приеду днём.

Она сказала это и почувствовала, как плечи опустились. Как будто всё это время держалась за что-то и наконец отпустила.

— Как-нибудь — это когда? — спросил он.

— Я скажу.

— Скажи заранее. Мне же надо знать, что я свободен.

— Скажу.

Он подошёл и поцеловал её в макушку. Потом сказал:

— Вот и умница. Вот и хорошо.

Она и правда хотела. Просто её вопрос был не про это.

В этот вечер она ждала, что он её захочет. Он не захотел. Они просто уснули.

Она лежала рядом, слушала, как он дышит, и думала, что, наверное, она его обидела. Он же весь вечер говорил с ней, искал слова, а она спорила. Наверное, поэтому. Наверное, поэтому он и не хочет. Так бывает, когда человеку дают отпор.

Он уехал утром. Она проводила его. На прощание он сказал:

— Ну, когда?

— Я посмотрю. Но у тебя строительные материалы…

— Для тебя я хоть генеральную уборку сделаю. Смотри. Я жду.

Он помахал ей из машины, а она стояла на тротуаре, пока машина не свернула за угол. Потом пошла домой, и в квар-

тире было тихо и слишком прибрано: чашка на сушилке одна, полотенце на крючке одно, кресло пустое.

Тогда она думала, что она молодец.

***

Так это и началось.

Первый раз она приехала в первую субботу октября, утром, на первой электричке — чтобы «днём побыть с ним и вернуться вечером». Дважды за утро она повторила это про себя, как расписание.

Он встретил её на станции, и она впервые увидела Купавну, а не только название.

Посёлок ей понравился. Сосны были такие высокие, что над дорогой стояла холодная тень, хотя было уже солнечное утро. На одном участке кто-то жарил шашлык в десять утра, и это показалось ей хорошим знаком.

Его участок она увидела издалека — по стройке было видно. Большая коробка, обложенная, с хорошей крышей, вокруг ещё строилась терраса, лежала часть материалов, стоял забор. Крыша хорошая — значит, деньги есть и он не бросает. Терраса не готова — значит, у него планы. Она читала дом, как читают человека.

Участок ей понравился: не ухоженный, но и не заброшенный. То же самое она могла бы сказать про него, но не сказала.

Он поцеловал её на улице, перед стройкой. Она почувствовала себя гостьей, и это было приятно. Так давно её ни-

кто никуда не приглашал. Он пригласил её пройти в дом.

Пыль была. Он писал, что будет хуже, а было просто пыльно. Она подумала, что он её зря пугал. Она уже тогда заметила, что он её немного пугает заранее, чтобы потом было не страшно.

Она шла за ним по бетону в своих городских ботинках, и дом гудел. Пустой звук был такой, будто кто-то шёл следом. Она споткнулась о кабель и взялась за его руку.

Он провёл её наверх. На втором этаже была одна выведенная стена и перегородка, а всё остальное — каркас и плёнка. В углу под плёнкой лежали материалы, в другом стояла бочка.

Единственная отделанная комната была детская. Там стояли стол и две кроватки. Полы там были ламинат, и обои были, а окно — завешено.

Третья кроватка стояла в его спальне.

Он провёл её дальше и сказал:

— А вот тут будет спальня.

Комната была обжита. Были развешены его вещи, стояла большая кровать, у окна висела простыня, изображая кусок обоев, а возле большой кровати ютилась детская.

Она посмотрела на маленькую кровать в его спальне и подумала, что ребёнок спит здесь. Рядом с ним. Малышка, два года, ей два года — Соня. Девочка, которая ещё не умеет спать одна.

Он проводил её обратно на первый этаж.

Встал в центре и смотрел не на дом, а на неё. Ждал реакции.

— Ну?

— Большой, — сказала она.

— Это ещё не всё. — Он взял её за руку и повёл по воздуху, показывая. — Тут у меня будет всё. Вот тут я хочу пристроить террасу, выход во двор. Лестница — вот. Второй этаж — там я хочу детскую и спальню. Мастерская будет там же. Всё нормально. А тут кухня, большой зал, и со второго этажа можно будет смотреть, что тут творится.

Она стояла и думала, что ей здесь неудобно. И что неудобно — это не повод.

Она вспомнила, как однажды — ещё до всего этого — пообещала себе, что больше не будет в чужой пыли. А потом подумала: он столько лет это строит. Он готовился. Значит, надо посмотреть, не обижать.

Она вспомнила, как однажды — ещё до всего этого, после чужой стройки, где она мыла окна и красила стены, — пообещала себе, что больше никогда не будет в чужой пыли.

А потом подумала: он столько лет это строит. Он готовился. Значит, надо посмотреть, не обидеть.

И она переборола себя и прошла через весь дом. И ничего не случилось — только один раз зашлась кашлем и сказала: «Прости». И он ответил: «Да ничего, тут пыль реально».

В куче строительного мусора лежали детские вещи. Красная курточка. Один ботинок. Детский горшок.

Она и так знала, что у него есть дети. Он говорил. Но одно дело — когда говорят, и совсем другое — когда ты стоишь и смотришь на один ботинок, а рядом лежит обрезок доски.

Её взгляд зацепился за него как раз между штабелем досок и этой курточкой.

Она ещё раз посмотрела на пыль, на кучу у стены, на его лицо — и сказала:

— Слушай. А давай я тут приберусь по-быстрому? Ну хоть на первом.

Он посмотрел на неё и засмеялся.

— В гости приехала или работать?

— В гости. Просто не могу смотреть.

— Ты у меня золото, — сказал он.

Она не спросила ни про окно, ни про третью кроватку. Она решила, что спросит потом.

Ей стало неудобно за свой кашель, и она выпила таблетку. Разрешения она не спросила.

Пока он работал над террасой, ей было позволено делать что угодно. Она чувствовала себя хозяйкой — и чувствовала так не зря: начала большую уборку.

Кухня была маленькая и похожа на неубранный угол, где ей позволили готовить. Стола для готовки не было. Тот, что был, стоял под скосом лестницы и был завален упаковками из-под яиц.

Мусор она вынесла быстро. Разобрала, что испортилось в холодильнике. Решила помыть полы, но её смущали стро-

ительные материалы посередине залы. Два мешка она оттащила сама и освободила место.

Бетон оказался куда упрямее. Пришлось гуглить, как вообще убирают строительную пыль. Гугл сказал, что никак, и дал несколько рекомендаций.

К вечеру упаковка таблеток заметно порядела.

Она приготовила ужин и поняла, что очень сильно устала. И только потом подумала: а ведь она так и не спросила — почему окно заложили и зачем в этом доме третья кроватка.

Вася пришёл, увидел полы — и обрадовался. Сказал, что столько сделано, что он не ожидал. Потом сел есть и похвалил ужин. Рассказал, что начал делать крышу террасы. Ей было приятно, что он тоже работал. Как будто они делали дом вместе.

Потом он посмотрел на неё и сказал:

— Слушай. Оставайся. Куда ты поедешь такая.

Она стояла с тарелкой в руках.

Ей очень хотелось остаться. Именно поэтому она и сказала:

— Вась, мы же договаривались.

— Куда ты поедешь, ложись тут, место есть.

Алиса подумала, что и правда сильно устала. Руки гудели после швабры, в пояснице тянуло.

Он притянул её к себе. Она уткнулась лбом ему в плечо и поняла, что уже не встанет. В его объятиях было тепло, и от него пахло трассой и улицей.

— Вась, я устала как собака.

— Я знаю.

— И я вся в пыли.

— Ты вся в пыли, — согласился он. — И?..

Она засмеялась.

— И всё.

Он держал её, пока она не перестала смеяться. Потом поднял её лицо за подбородок и стал смотреть.

Она не сказала «нет».

Ночь была как награда за проделанную работу в доме. Он давал ей насладиться близостью, подзадоривая и играя. Он был медленный, и терпеливый, и очень довольный собой.

Омрачало то, что ванная была только на первом этаже — без двери и без отделки.

Алиса пошла туда в его халате. Его тапочки были ей велики, и она шла в них, как в ластах, по чужому бетону, и на лестнице придерживалась за стену, потому что перила ещё не поставили.

А он норовил её догнать. И догнал. На кухне.

— Сладкая моя. — Он не выпускал её. Поправил ей прядь, поцеловал. Потом его руки пошли по ней, и он уже не спешил.

Он посадил её на стол, тот самый, под скосом лестницы. Столешница была холодная. Она вздрогнула, и он засмеялся ей в шею.

— Холодно?

— Холодно.

— Сейчас согрею.

Он снял с неё халат и повесил на спинку стула. Аккуратно.

Его руки были шершавые от работы, и он трогал её ими так, как трогают вещь, которую берегли. Сначала с плеч, потом по спине. И она подумала, что это не он медленный, а она не может.

Она отдалась. На клеёнке, которой были прикрыты детские вещи.

Потом он поднял её и понёс наверх. Она держалась за его шею и смотрела через плечо, как мимо проплывает тёмный провал второго этажа и как на секунду мелькнула незакрытая дверь детской.

На следующий день она уехала днём. Оставив зубную щётку и расчёску у него.

Он проводил её до электрички, поцеловал на прощанье, сказал: «Буду скучать». И она уехала.

Тверь казалась мрачнее, чем была весь сентябрь. Но неделя пролетела быстро.

В среду он предложил ей приехать снова — только не в субботу, а в пятницу вечером, пообещав вкусный домашний ужин.

Она согласилась раньше, чем успела подумать.

Лариса хотела было что-то сказать про её новые отношения, но только вздохнула и помешала чай. Потом сказала:

— Уж очень быстро.

Больше ничего. Алиса не спросила «что».

Про третью кроватку она себе ничего не сказала.

В четверг, заранее, она собирала сумку, как в долгую поездку: полотенце, шампунь, халат, прокладки, крем, тапочки. Перепроверила.

А потом посмотрела на сумку и поняла, что берёт больше, чем нужно на вечер. И не стала ничего выкладывать.

В пятницу по пути купила моющее средство. Ей показалось, что так будет правильно.

В пятницу она ехала уже вечером, когда было темно. Вася встречал её на вокзале.

Она увидела его сразу, быстро подбежала, обняла. Он подхватил её, покружил. Это казалось прекрасным.

«Самое лучшее мгновение», — подумалось ей невольно.

До дома ехали быстро. В пути он всю дорогу держал её за руку, немного поглаживая.

В доме он виновато улыбнулся:

— Прости, я после работы, ещё не успел решить по ужину. Давай приготовим вместе, так будет вкуснее.

— Конечно.

Еды не было вовсе. Алиса оставила сумку поверх вещей, на клеёнке, и заглянула в холодильник. Он заглянул вместе с ней и подмигнул.

Готовили вдвоём. Вася рассказывал, что на неделе надо будет на несколько дней ехать в Калугу. А на следующей неделе приедут девочки.

Алиса погрустнела. Ей не хотелось знакомиться.

Вася продолжил, приободряя её:

— А может, ты приедешь и вы познакомитесь? Будут все мои дорогие девочки рядом и познакомятся.

В первое мгновение идея Алисе не понравилась, и она мотнула головой. Он посмотрел вопросительно. И ждал.

— Да, давай попробуем.

— Вот и славно, будет генеральная репетиция семьи.

Репетиция. Значит, будет и премьера.

Вечером начался дождь. Стук капель эхом отражался по всему дому. Это было не страшно, даже чем-то сказочно. В тот вечер он не отходил от неё.

На следующий день она поехала с ним в строительный магазин. Покупали панель для лестницы.

Она стояла рядом, пока он смотрел на образцы, и держала список. Он спрашивал у продавца то, чего она не понимала, и продавец понимал.

Они вышли, и он сказал:

— Вот, ты теперь в теме.

Алиса засмеялась. Но что-то у неё внутри от этого сжалось.

К вечеру она разобрала пакеты. Положила свои вещи в шкаф — не в угол, а в шкаф, — и нашла там место.

Потом он сказал:

— Слушай, а ты молодец, что средство взяла. Сразу видно — хозяйка.

Она кивнула. И подумала, что это ведь он её похвалил, а не наоборот.

Вечером она чувствовала себя уже уютнее. У неё были свои вещи в этом доме. Место ей выделили.

Третья неделя октября летела так же быстро, но на этот раз тревожнее.

Она не знала ничего о его дочках, даже их имён. Это она поняла во вторник.

Написала:

«Вась, а как твоих дочек зовут и может расскажешь, что им интересно?»

Ответ пришёл быстро:

«Надя — 8, музыкалка. Люба — 5 в декабре. Соня — 2».

Коротко, — подумала Алиса. Слишком коротко. Она ждала другого тона.

И ещё она подумала: как это — три дочери, и за столько времени ни одной подробности. Ни во что играют, ни чего боятся, ни как зовёт их мать. Она знала про его крышу, про террасу, про панель для лестницы — а про Надю не знала ничего.

Всю неделю она думала, как будет с ними общаться, во что играть. Вспоминала подругу с детьми и то, как та разговаривала со своей дочкой. Вспомнила и про детский горшок в куче мусора.

В среду спросила:

«Вась, а во сколько они приедут, может мне пораньше

приехать?»

«Я их привезу вечером. Тебя захвачу с ними с вокзала».

Время, место, она — всё сходилось. Она подумала даже о том, сколько мест в машине.

Под тревогой купила влажных салфеток. Вспомнила, что не увидела у него слюнявчика для младшей, и на всякий случай купила его тоже. Фрукты и несколько йогуртов, детских, без сахара — она долго читала состав на полке, как будто сдавала экзамен.

Сумка получилась больше, чем в прошлый раз.

Она не спросила, где они будут спать.

В пятницу она ждала его на вокзале. Он позвонил, попросил подойти к машине. Алиса нашла его сразу.

Василий, как обычно, вышел, забрал её вещи и пошутил:

— Столько вещей, мы съезжаемся? Если что, я не против.

После этого поцеловал её, стоя у багажника. Коротко, но мягко. Она не ответила на шутку.

Помог ей сесть в машину. Позади сидели дети.

— Девочки, поздоровайтесь с Алисой!

— Здравствуйте! — хором отозвались две девочки. От этого самая младшая проснулась и заплакала.

Алиса поздоровалась в ответ — тише. Её не услышали.

Крупная девочка в очках погладила малышку, успокаивая. Люба смотрела в окно. Соня держалась за сестру.

У Сони была красная куртка.

Алиса подумала про красную курточку в куче строитель-

ного мусора и ничего не сказала.

Она не знала, куда деть руки, и держала свою сумку на коленях, как щит. Вспомнила про йогурты и не достала их.

Василий завёл машину и больше ничего не сказал.

Всю дорогу молчали.

Когда приехали, Вася выгружал детей. Алиса не стала дожидаться его, как было всегда, — сама открыла себе дверь, сама взяла свои вещи.

Надя и Люба побежали в дом. Младшая спала у Васи на руках. Надя держала её за руку, Люба несла что-то из машины.

Алиса пошла за ним.

Девочки быстро начали играть в лабиринтах строительных мешков. Ей это уже не казалось забавным.

— Девочки, как насчёт перекуса перед ужином? — Алиса надеялась со второй попытки наладить контакт.

Они были даже очень согласны.

Алиса организовала место на кухне, дала девочкам по йогурту, остальное убрала в холодильник. Спросила, играли ли они когда-нибудь в кулинаров, объяснила правила и дала простые задания.

Вася в это время укладывал малышку.

Девочки помогали — неуклюже пытались почистить лук, резать салат.

— Им ещё рано такое, — обронил Василий, забирая нож у старшей. Надя надулась, обижаясь на папу. — Идите лучше

поиграйте.

Последнее было детям.

Алиса не поняла, почему им рано. Старшей восемь, а она не умеет ровно резать.

— Я просто хотела с ними найти общее… — Алиса не успела договорить.

— Сначала спрашивай. Они мои дочки, и я за них в ответе. — Он отрезал резко.

Такой тон от него она слышала в первый раз.

— Мы пока пойдём поиграем, — продолжил он мягче. — Ты пока приготовь ужин.

Он поцеловал её в лоб и пошёл играть с детьми.

Она осталась на маленькой неотделённой кухне. Весь дом был над ней.

Дом шумел наверху, а здесь, внизу, было тихо, и руки сами нашли нож. Она ещё ни разу не готовила для его детей. Готовила для него — да. А тут как будто держала экзамен, и экзаменатор был в другой комнате.

Она осталась на маленькой неотделённой кухне. Весь дом был над ней.

Ужин был вкусным. Никто не сказал ей об этом.

За столом Надя спросила:

— Пап, а это твоя служанка?

— Нет, — отозвался Вася со смехом. — Алиса моя женщина.

— А это как? Она тебе принадлежит?

— Она как мама, только пока не официально, — закончил он объяснять дочкам.

Алиса не подняла глаз от тарелки.

Она услышала «принадлежит» и почему-то не удивилась. Удивилась она другому: что не удивилась. Дети говорят то, что слышат дома. Значит, где-то это уже звучало — может, при них, может, в трубку, может, просто вслух, для себя.

И ещё: он сказал «только пока». Как будто это вопрос времени, а не её решения.

Спать ложились рано. Девочки просили сказку, и Вася остался в их комнате читать.

Дверей не было, и она слышала, как он читает «Карлсона», с голосами.

Она лежала и слушала. Голосами он умел. Она вдруг подумала: а если бы он читал ей так. Не про дела, не про террасу, не про то, что где будет, — а голосами, за кого-то другого. И тут же себя остановила: при чём тут она, он читает детям.

Соня спала на детской кроватке в его комнате. Алиса не знала, как понять, всё ли с ней хорошо, и не стала её трогать.

Она переоделась и легла.

Позже пришёл Вася.

Он попробовал пристать к ней, но она шепнула, что не может при ребёнке.

— Ну что ты сама как маленькая. Она же спит.

— Старшие услышат. Дверей же нет. Давай спать.

Он полежал, потом повернулся на другой бок.

Она лежала и смотрела в темноту. Сказала — и стало не легче, а хуже. Как будто она ему отказала. Как будто у неё не было причины, а был каприз, и причина была только у него — устал, обиделся, повернулся. Она лежала и слушала, как он дышит, и ждала, что он скажет что-нибудь ещё. Он не сказал.

Алиса проспала дольше обычного и встала только около одиннадцати. Её никто не будил. С первого этажа слышались весёлый смех и разговоры.

Приходил он — коротко, про качель, — и вёл себя так, как будто вечера не было.

Алиса не стала торопиться спускаться. Переоделась, привела себя в порядок. Только после этого спустилась и поздоровалась.

Она почему-то ждала, что он скажет про ночь. Хотя бы слово. Он не сказал ни слова, и от этого ей стало казаться, что ночь была только с ней.

Надя и правда была крупной, в очках. Она смотрела на Алису, как смотрят взрослые, когда решают, можно ли доверять.

Люба держалась за подол и молчала.

По столу Алиса поняла, что все уже позавтракали.

— Девочки, а где папа и Соня?

— А они на улице. Папа обещал качель повесить.

Ей хотелось посмотреть на качель. Она не вышла.

Поела, спокойно всё убрала, посмотрела, что часть про-

дуктов, которые она привезла, уже съели. Ей было приятно, что съели. Потом стало неприятно, что приятно.

Пока она убиралась, Надя за ней наблюдала. Потом сказала:

— Тётя Алиса, а можно я вам помогу?

Алиса не удержалась и согласилась. Только договорились, что папе не скажут.

Девочки помогали — неаккуратно, но старательно. Надя рассказала, что мама и папа им не разрешают такое делать: только заниматься, играть или телевизор смотреть.

Алиса сказала, что она наоборот любит убираться и не против помощников. И это было правдой.

— А почему нельзя? — спросила она.

— Мама говорит, это не детское дело.

Алиса ничего не сказала. Она подумала, что в её детстве только детское и было.

К середине дня девочки были довольны и усталы. Соня спала в коляске на террасе, и её приносил он. Младшая подошла и прижалась губами ей в щёку — неловко, как будто впервые.

Вася пришёл в дом и остановился.

— Как ты с ними быстро поладила. Ты создана, чтобы быть мамой!

Она услышала «создана» и остановилась на этом слове. Не «хорошо получается», не «молодец». Создана. Как будто её для этого сделали — и как будто теперь она это должна.

В воскресенье девочки не хотели её отпускать. Надя держала её за руку до самой машины.

— Приезжай в следующий раз, — сказал он, уже когда садились. — Они тебя спрашивали.

Алисе было приятно. И тепло от этих слов.

Ей не пришло в голову спросить, откуда он знает, о чём спрашивали дочки. И не пришло в голову, что можно было приехать не тогда, когда он позовёт, а тогда, когда ей захочется. Ей вообще уже давно ничего такого не приходило в голову.

***

Через неделю Алиса снова была в Купавне.

Она приезжала каждую неделю.

В тот её приезд Василий обронил, будто ненароком:

— Алиса, ты не глянешь, там в дальнем углу у меня вещи из прошлой жизни, надо разобрать. Я не могу этим заниматься, у меня на них рука не поднимается.

Это были вещи Ольги. Ольгу она знала по его рассказам.

Она почему-то сразу поняла, чьи это вещи. Как поняла бы по запаху, по плечикам на блузках, по размеру туфель.

Алиса разбирала коробки, в которых были женские вещи, и раскладывала по верхам, чтобы не рыться. Когда дошла до стопки фотографий, смотреть их не стала. Просто сложила с остальным хламом.

Лишь задержалась взглядом на одной — где были все: дети, он и Ольга.

Она смотрела не на Ольгу. Она смотрела на него, и он был там счастливый. Такого лица она у него не видела ни разу.

И вдруг подумала: а ведь её он попросил убрать Ольгу. Не себя, не свои фотографии, не свою прошлую жизнь — а её. И теперь у него всё было чисто, и она была в этом чисто.

Вася зашёл, посмотрел и сказал:

— Ну вот, теперь можно жить.

Она помогала ему с ремонтом. Она держала рулетку. Она подавала уровень, шпатель, кисть. Она узнала, что такое «канавка под провод» и как правильно клеить скотч по плинтусу.

Один раз она сама шпатлевала стену — маленькую, в углу, — и это было приятно, и потом она эту стену каждый раз гладила, когда проходила мимо, как будто она была живая.

И вот так, не заметив, она стала чувствовать себя женщиной в этом доме.

Раньше она была при нём. Теперь она была в доме.

Она уже знала, где у него что лежит. Она уже говорила «мы».

И ещё она знала, где у него что лежит, — а он всё ещё не спросил, чего хочет она. Но это ей не приходило в голову.

Лариса спросила один раз, в учительской, в начале ноября. Закрыла дверь, села напротив и смотрела поверх очков, не отводя глаз.

— Ты вообще где живёшь?

— В Твери.

— А по факту?

Алиса не ответила.

— Алиса, я тебе не мать. Я тебя не воспитываю. Я тебе скажу одно: ты у него убираешься?

— Ну, бывает.

— Ты у него убираешься.

— Не убираюсь. Помогаю.

— Ты помогаешь убираться в доме мужчины, который тебе не муж. У которого трое детей от другой женщины. Который тебя замуж не позвал.

Она помолчала.

— И в дом, который, я так понимаю, оформлен не на тебя.

Алиса смотрела в тетрадь.

— А на кого он оформлен?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Не спрашивала.

— Спроси.

Она не спросила. Не смогла. Потому что боялась, что он обидится. И потому что боялась, что ответ ей не понравится.

Она сидела и думала, что Лариса не права. Что Лариса не знает его. Что помогать — это не убираться. Что «помогаю» — это другое слово, и оно правильное.

И ещё она думала, что завтра придёт в эту же учительскую, и Лариса будет молчать, и это будет хуже, чем разговор.

— Ты на меня не сердись, — сказала Лариса.

— Я не сержусь.

— Вот и он так же говорит.

Алиса подняла глаза.

— Что?

— Ничего. — Лариса взяла ручку. — Иди, у тебя урок через пят

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.